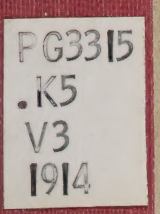
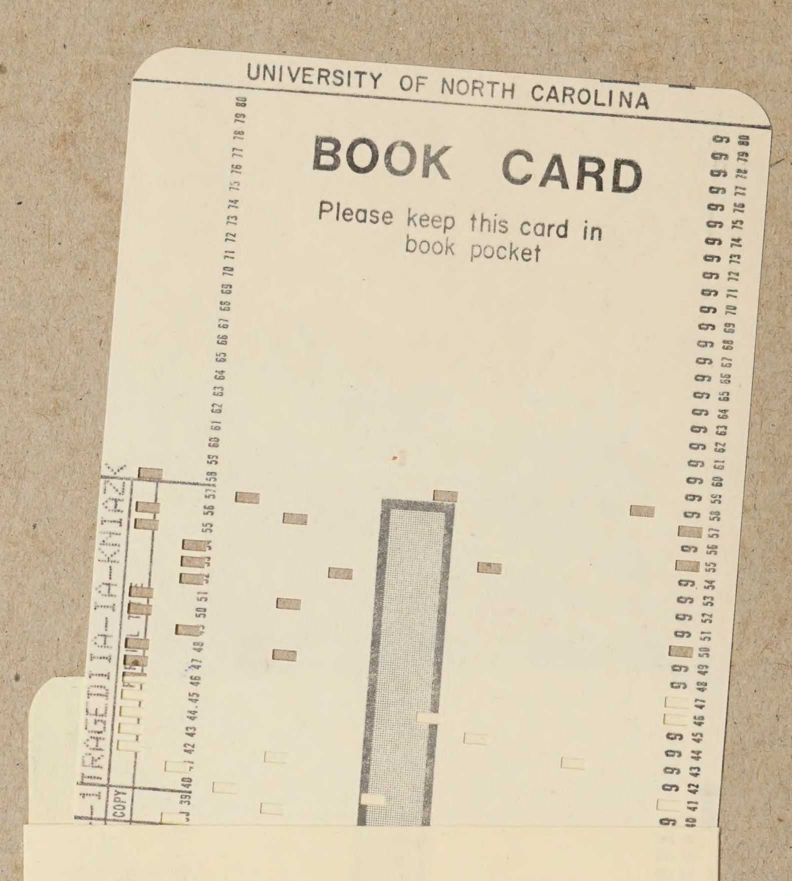
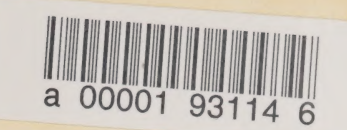


TRAGEDIIA IA KNIAZHNINA

KNIAZHNIN


UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
BOOK CARD
Please keep this card in book pocket

PG3315
.K5
V3
1914


a 00001 93114 6

Се образъ Княжнина: кого за мирный гласъ,
И сами Грацiи украсили короной!
Напрасно мыслимъ мы что въ Грецiи Парнассъ;
Онъ здѣсь воздвигъ его Росславомъ и Дидоной.
Рис. Ф. Форопонтовъ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Tragediia IA. Kniazhnina.

ТРАГЕДІЯ

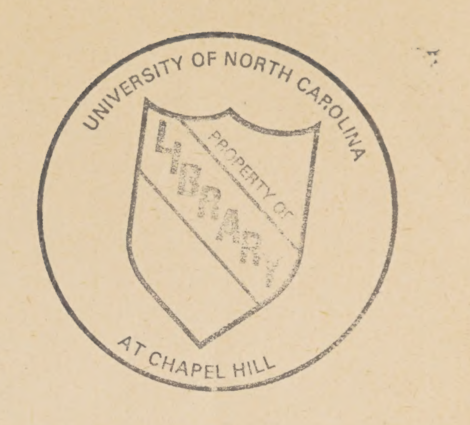
Я. КНЯЖНИНА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ В. САВОДНИКА.

МОСКВА.
1914.

Отпечатано 325 экземпляровъ.

Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Москва, Арбатская пл., Филипповскій пер., д. 11.



КНЯЖНИНЪ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Извѣстна печальная участь, постигшая послѣднюю трагедію Княжнина—„Вадима“: написанная авторомъ, по свидѣтельству его сына, еще до начала тѣхъ событій, которыя ознаменовали собой во Франціи конецъ XVIII вѣка, она была напечатана уже послѣ смерти автора, въ 1793 году, въ самый разгаръ революціи; благодаря этому совпаденію она обратила на себя неблагосклонное вниманіе императрицы Екатерины, нашедшей въ ней отголосокъ республиканскихъ идей и политическаго вольномыслія, подверглась запрещенію и уничтоженію, — и только смерть, повидимому, предохранила автора отъ тѣхъ преслѣдованій, которыя, около того же времени и по такому же поводу, пришлось испытать Новикову и Радищеву. Вся эта исторія съ запрещеніемъ „Вадима“ обстоятельно разъяснена въ статьяхъ Стоюнина, Лонгинова и Ефремова; поэтому мы не будемъ здѣсь на ней останавливаться, а перейдемъ къ нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся внутренняго, идейнаго содержанія злополучной трагедіи и представляющими извѣстный интересъ съ исторической точки зрѣнія.

Этотъ историческій интересъ обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ „Вадимѣ“ мы находимъ яркое выраженіе нѣкоторыхъ характерныхъ сторонъ русской драматической литературы Екатерининской эпохи. Несмотря на свою исключительную судьбу, трагедія Княжнина, по своему содержанію, вовсе не стоитъ одиноко среди піесъ трагическаго репертуара того времени, но, напротивъ того, имѣетъ съ ними немало точекъ соприкосновенія. Эта внутренняя, идейная связь „Вадима“ съ произведеніями другихъ современныхъ драматурговъ ясно обнаруживается изъ анализа содержанія трагедіи, ея главныхъ мотивовъ и преобладающаго интереса.

Какъ извѣстно, сюжетомъ для трагедіи Княжнина послужило лѣтописное преданіе о мятежѣ, поднятомъ новгородцемъ Вадимомъ противъ

князя Рюрика, записанное въ Никоновской лѣтописи подъ 6371-мъ годомъ (863) и сообщающее вкратцѣ о недовольствѣ новгородцевъ правленіемъ Рюрика и о гибели какого-то Вадима „храбраго" вмѣстѣ съ „иными многими новгородцами, совѣтниками его".

Не говоря уже о малой исторической достовѣрности этого преданія, не встрѣчающагося въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, оно содержитъ въ себѣ очень мало опредѣленныхъ данныхъ конкретнаго содержанія, но зато даетъ полный просторъ для свободнаго полета фантазіи, тѣмъ болѣе, что писатели XVIII вѣка никогда особенно не стѣснялись въ обращеніи даже со строго-историческими данными, передѣлывая ихъ по своему усмотрѣнію. Поэтому темное преданіе о Вадимѣ новгородскомъ, дававшее легкую возможность произвольнаго толкованія и освѣщенія, и заключавшее въ себѣ несомнѣнные элементы драматическаго интереса, рано или поздно должно было обратить на себя вниманіе русскихъ авторовъ.

Первая попытка литературной обработки этого преданія была сдѣлана никѣмъ инымъ, какъ самой Императрицей-писательницей, Екатериной II-й, въ ея „Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика" (1786). Насколько свободно отнеслась она къ своему сюжету, видно изъ того, что въ ея произведеніи Рюрикъ и Вадимъ являются двоюродными братьями, внуками „князя" новгородскаго Гостомысла; причиной мятежа Вадимова является его честолюбіе и нежеланіе подчиниться власти Рюрика, которому Гостомыслъ, умирая, завѣщалъ великое княженіе, какъ старшему въ родѣ; развязка дѣйствія также значительно отступаетъ отъ разсказа лѣтописи: въ послѣднемъ актѣ „историческаго представленія" имп. Екатерины, побѣжденный Вадимъ предстаетъ на судъ Рюрика, который великодушно прощаетъ ему его мятежную попытку, а Вадимъ, пораженный его милосердіемъ, клянется отнынѣ служить ему вѣрно и преданно.

Допуская всѣ эти отступленія отъ лѣтописнаго преданія, придавая выведеннымъ въ дѣйствіи лицамъ и ихъ поступкамъ совершенно произвольное освѣщеніе, Екатерина преслѣдовала вполнѣ опредѣленную цѣль,—или точнѣе, какъ это прекрасно показалъ проф. Замотинъ, двѣ цѣли: во-первыхъ, она хотѣла въ лицѣ Рюрика представить идеалъ благороднаго, великодушнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ энергичнаго и твердаго государя-самодержца, въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма; для этого, она нисколько не считаясь ни съ исторической, ни съ психологической вѣроятностью, вкладывала въ уста варяжскаго князя-дружинника выраженія идей и чувствъ, совершенно несвойственныхъ той далекой и грубой эпохѣ, неоднократно заставляя его цѣли-

комъ повторять слова изъ своего знаменитаго Наказа; во-вторыхъ, связывая генеалогически варяго-русскаго князя Рюрика съ новгородскимъ княземъ Гостомысломъ, Екатерина опредѣленно выступила противъ норманской теоріи; усвоивъ себѣ взглядъ Ломоносова на варяговъ, какъ на племя славянское, она въ своемъ произведеніи хотѣла подчеркнуть національный характеръ государственной власти въ древней Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на то, что монархически-самодержавный порядокъ является въ ней исконнымъ и господствуетъ въ ней еще на зарѣ ея исторіи [1]).

Весьма возможно, что именно „историческое представленіе" имп. Екатерины и навело Княжнина на мысль написать своего „Вадима". Если вѣрно сообщеніе его сына, генерала Княжнина, что Вадимъ написанъ еще до начала французской революціи, то трагедія эта хронологически почти примыкаетъ къ произведенію Императрицы. Сближаетъ оба эти произведенія также и общій въ нихъ морально-политическій интересъ, хотя отношенія между выведенными лицами и руководящіе ими мотивы и побужденія совершенно иные у Княжнина, чѣмъ у Екатерины. Въ трагедіи перваго Вадимъ дѣйствуетъ во имя древней новгородской „вольности" и поднимаетъ возстаніе противъ Рюрика, не изъ какихъ-либо честолюбивыхъ поползновеній, какъ въ піесѣ Екатерины, а ради нѣкоторой идеальной цѣли,—для того, чтобы вернуть родному городу утраченную свободу. Съ другой стороны, Рюрикъ является представителемъ н о в а г о, монархическаго порядка, новой формы правленія, замѣнившей, согласно желанію гражданъ, прежнюю республику; но, принявши власть въ городѣ и отстаивая ее противъ мятежныхъ попытокъ Вадима и его соумышленниковъ, Рюрикъ также руководствуется не эгоистическими побужденіями, не властолюбивыми мотивами, а искреннимъ желаніемъ внести миръ и порядокъ въ раздираемый междоусобіями городъ.

Такимъ образомъ въ трагедіи Княжнина мы видимъ не только столкновеніе двухъ лицъ, но и столкновеніе двухъ политическихъ системъ, двухъ идеологій,—и столкновеніе это отражается, по свойственной классическимъ трагедіямъ склонности къ разсудочнымъ контроверзамъ, въ многочисленныхъ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Эти обильныя разсужденія морально-политическаго характера сближаютъ „Вадима" не только съ „Историческимъ представленіемъ" Екатерины, но и со многими другими драматическими произведеніями ея эпохи. Подобныя разсужденія о существѣ монархической власти, о призваніи и объ

---

[1]) Замотинъ. Преданіе о Вадимѣ новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ, 1901 г., стр. 18 и слѣд.

обязанностяхъ правителя, объ отношеніи между нимъ и подданными, составляютъ обычныя, излюбленныя темы въ трагедіяхъ того времени. Мы находимъ ихъ въ произведеніяхъ Сумарокова, Хераскова, Николева и другихъ современныхъ драматурговъ. Въ интересной статьѣ В. В. Сиповскаго: „Изъ исторіи самосознанія русскаго общества XVIII вѣка“ (Извѣстія Отдѣл. рус. языка и словес. Импер. Академіи Наукъ, т. XVIII, кн. 1-я) собранъ богатый матеріалъ, показывающій, насколько популярна была эта тема у тогдашнихъ авторовъ. Одни изъ нихъ рисуютъ въ своихъ произведеніяхъ образъ идеальнаго монарха, „отца“ своихъ подданныхъ, направляющаго всѣ свои помыслы ко благу народа и государства, умѣющаго обуздывать свои собственныя желанія и страсти, способнаго жертвовать даже своимъ личнымъ счастіемъ ради общей пользы; таковъ, напр., Владисанъ въ одноименной трагедіи Сумарокова или императоръ Титъ въ трагедіи Княжнина „Титово милосердіе“: въ длинныхъ монологахъ дѣйствующихъ лицъ и въ ихъ бесѣдахъ съ неизбѣжными въ классической трагедіи наперсниками отразились взгляды современниковъ на обязанности правителя на необходимыя для нихъ качества и „добродѣтели“,—а вмѣстѣ съ тѣмъ сказалось и столь характерное для псевдо-классической эпохи тяготѣніе къ дидактизму, къ поучительности.

Другіе драматурги, преслѣдуя, въ сущности, тѣ же нравственно-поучительныя цѣли, подходили къ темѣ съ другой стороны,—изображали, какъ бы въ противовѣсъ своимъ идеальнымъ правителямъ, образы себялюбивыхъ и злобныхъ „тирановъ“, пользующихся своею властью только для того, чтобы утѣснять своихъ подданныхъ, не признающихъ для себя никакого нравственнаго долга, никакой сдерживающей силы: таковъ, напр., Сумароковскій Димитрій Самозванецъ — законченный образецъ псевдо-классическаго „злодѣя“, — таковъ Мстиславъ, „царь Россійскій“ въ трагедіи Николева „Сорена и Замиръ“. Послѣднее произведеніе представляетъ собой, пожалуй, наиболѣе яркое проявленіе политическаго свободомыслія на русской сценѣ XVIII вѣка: недаромъ оно, при своемъ появленіи (1785 г.), навлекло на автора нареканія и даже едва не подверглось запрещенію со стороны московскихъ властей. Въ ней, дѣйствительно, встрѣчаются, напр., такіе рѣзкіе по тому времени стихи:

Изчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?

Въ другомъ мѣстѣ той же трагедіи мы встрѣчаемъ подобныя же разсужденія:

. . . . О бѣдные народы!
Кому подвластны вы? Кто дастъ примѣры вамъ?
Злодѣйства судія творитъ злодѣйства самъ;
Вотъ, власть, твои плоды, коль смертнымъ ты законы!
Не скроютъ царскихъ золъ ни титлы, ни короны:
Но есть-ли и цари покорствуютъ страстямъ,
Такъ должно-ль полну власть присвоивать царямъ?

Такимъ образомъ въ трагедіи Николева поднимается даже вопросъ о неограниченной царской власти, а въ связи съ нимъ и вопросъ о правахъ подданныхъ, о ихъ „вольности", попираемой тиранической властью. Замиръ въ трагедіи Николева рѣзко вооружается противъ злоупотребленій деспотизма во имя неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности, и прежде всего во имя ея права на самоопредѣленіе. Въ отвѣтъ на требованіе Мстислава отказаться отъ вѣры отцовъ, перемѣнить религію, онъ говоритъ:

Мой богъ—вселенной богъ; законъ—моя свобода.
Иныхъ законовъ я не буду знать во вѣкъ:
Торгуетъ вольностью лишь подлой человѣкъ.

Эти примѣры изъ трагедіи Николева показываютъ, что „республиканскія" тирады Вадима, съ ихъ восхваленіемъ свободы и рѣзкими выпадами противъ неограниченной власти, вовсе не стоятъ особнякомъ въ русской драматической литературѣ того времени, — и если выраженіе этихъ идей и чувствъ въ трагедіи Княжнина вызвало цензурныя преслѣдованія, между тѣмъ какъ Николевъ за свою трагедію удостоился благоволенія Государыни, то это, по вѣрному замѣчанію акад. Сухомлинова, объясняется только тѣмъ, что произведеніе Николева появилось до революціи, а „Вадимъ" былъ напечатанъ послѣ нея [1]).

Какова же внутренняя цѣнность и значеніе всѣхъ этихъ моральнополитическихъ разсужденій и сентенцій? Г. Сиповскій склоненъ, повидимому, оцѣнивать ихъ довольно высоко, видѣть въ нихъ проявленіе „сознательной гражданственности" со стороны русскихъ драматурговъ XVIII вѣка, выраженіе опредѣленнаго общественнаго идеала и устойчи-

---

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб., 1889, т. I, стр. 573.

ваго настроенія [1]). Однако при сужденіи объ этомъ вопросѣ не должно упускать изъ виду что всѣ эти морально-политическія сентенціи, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ русскихъ драматурговъ XVIII вѣка, въ значительной степени представляютъ собой лишь болѣе или менѣе точный отголосокъ освободительныхъ идей, которыя нашли себѣ такое яркое выраженіе и такое могучее средство пропаганды во французской драматической литературѣ того времени. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, нашъ русскій театръ находился въ тѣсной зависимости отъ своего французскаго образца, и наши Вышеславы и Владисаны лишь повторяли пышныя рѣчи своихъ иностранныхъ прототиповъ. Эту сторону вопроса г. Сиповскій оставилъ безъ разсмотрѣнія, оговорившись въ началѣ статьи, что онъ „не будетъ касаться вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ самостоятельною была наша новая идеологія, проясняющаяся въ трагедіи", и ограничившись лишь общимъ указаніемъ на то, что „русскій театръ XVIII стол., въ этомъ отношеніи, пошелъ за французскимъ", сыгравшимъ такую большую роль въ дѣлѣ проведенія новыхъ политическихъ идей въ сознаніе современнаго общества [2]).

По нашему мнѣнію, уважаемому автору слѣдовало бы нѣсколько рѣзче подчеркнуть эту идейную зависимость русской псевдо-классической трагедіи отъ ея французскихъ образцовъ: иначе собранный имъ обильный и интересный матеріалъ легко можетъ вызвать въ умѣ читателя совершенно невѣрное представленіе, будто указанный морально-политическій интересъ, обнаруживающійся въ постановкѣ извѣстныхъ вопросовъ или въ ихъ освѣщеніи, составляетъ характерную особенность именно русской драматической литературы того времени. Между тѣмъ всѣ эти морально-политическія идеи и разсужденія, и въ частности—разсужденія о задачахъ и обязанностяхъ правителя, о необходимыхъ для него качествахъ и о свойственныхъ его званію достоинствахъ и недостаткахъ, являются излюбленной темой, къ которой постоянно возвращалась мысль французскихъ драматурговъ XVIII вѣка. Въ небольшой, но цѣнной книгѣ Фонтена: „Le Théatre et la Philosophie au XVIII siècle" собранъ богатый матеріалъ, относящійся къ этому предмету и сгруппированный подъ рубриками: maximes sur les rois; origine de leur autorité; leurs devoirs. Наши русскіе драматурги, заимствуя сюжеты своихъ произведеній изъ французской драматической литературы, переносили также на русскую сцену и тѣ новые идеи и взгляды, въ которыхъ отразилось вліяніе просвѣтительной философіи, въ частности—Вольтера, который чаще, чѣмъ кто-либо другой, прибѣгалъ къ помощи театра въ цѣляхъ философской

---

[1]) См. вышеназванную статью, стр. 267, 269.

[2]) Ibid., стр. 249.

пропаганды [1]). Зависимость указанной выше трагедіи Николева отъ произведеній Вольтера прекрасно выяснена въ статьѣ проф. Кадлубовскаго: „Сорена и Замиръ Николева и трагедіи Вольтера“ [2]).

Что же касается до „Вадима“, то въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе извѣстную „переимчивость“ Княжнина, мы a priori можемъ предполагать, что онъ широко воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который давала ему современная французская трагедія. И дѣйствительно, изслѣдователи, писавшіе о Княжнинѣ (Галаховъ, Замотинъ, Веселовскій), неоднократно указывали на многочисленныя черты подражательности, сказывающіяся какъ въ общемъ замыслѣ трагедіи, въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ между собою, такъ и въ содержаніи отдѣльныхъ сценъ. Ближайшими образцами для Княжнина были, повидимому, „Цинна“ Корнеля и такъ назыв. „римскія“ трагедіи Вольтера („Брутъ“, „Смерть Цезаря“), въ особенности—послѣднія. Въ трагедіяхъ этихъ, какъ извѣстно, отразилось, съ одной стороны, вліяніе Шекспира, а съ другой—знакомство Вольтера съ англійской общественной и политической жизнью, во время трехлѣтняго пребыванія его въ этой странѣ, съ ея свободными учрежденіями и независимымъ, „республиканскимъ“ духомъ ея гражданъ [3]). Образъ Вольтеровскаго Брута, съ его гордымъ свободолюбіемъ, пламеннымъ патріотизмомъ и непреклонной ненавистью къ „тиранамъ“, повидимому, послужилъ главнымъ прототипомъ для Княжнинскаго Вадима. Правда, по обычаю большинства подражателей, Княжнинъ значительно упростилъ характеристику своего героя, свелъ ее почти всецѣло къ послѣдней изъ указанныхъ чертъ, представилъ его прежде всего монархомахомъ. Однако въ словахъ Вадима, несомнѣнно, звучатъ отголоски рѣчей Брута, хотя отточенныя сентенціи Вольтера превратились у Княжнина въ расплывчатую и многословную декламацію (срав. Brutus: acte I, sc. 1—2; IV, 6—7; V, 1, 2, 7).

Не остался безъ вліянія на созданіе фигуры Вадима и Корнелевскій

---

[1]) Русскіе драматурги XVIII в. въ своихъ подражаніяхъ не останавливались даже передъ дословными заимствованіями: такъ, напр., послѣдняя изъ приводимыхъ г. Сиповскимъ цитатъ, взятая изъ трагедіи Княжнина „Владисанъ“: „Страхъ создалъ намъ боговъ, царей творила сила“—является дословнымъ переводомъ одного стиха изъ трагедіи Кребильона-младшаго „Ксерксъ“: La crainte fit les dieux, l'audace a fait les rois.

[2]) Извѣстія Отдѣл. рус. языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, т. XII, кн. 1-я.

[3]) Объ этихъ трагедіяхъ Вольтера см. Lion: Les tragédies et les théories dramatiques de Voltaire. Paris, 1896; p. 45.

Цинна, которыхъ сближаетъ уже и самое положеніе ихъ, въ качествѣ заговорщиковъ; есть сходство между обѣими трагедіями даже въ концепціи отдѣльныхъ сценъ: напр., разсказъ Цинны о совѣщаніи заговорщиковъ (д. I, явл. 3) близко напоминаетъ соотвѣтствующую сцену въ „Вадимѣ" (д. II, явл. 4). Но ярче всего вліяніе трагедіи Корнеля отразилось на обрисовкѣ характера Рурика, на котораго перенесены черты личности Августа, изображеннаго Корнелемъ въ видѣ идеальнаго монарха, полнаго благородства, великодушія и благожелательства: его разсужденія о призваніи и долгѣ правителя, о значеніи его власти въ государствѣ (II, 1; IV, 2) близко напоминаютъ рѣчи Рурика на ту же тему (дѣйст. III, явл. 3; д. IV, явл. 3; д. V, явл. 3). Что касается до любовной интриги, считавшейся необходимой принадлежностью трагедіи, то положеніе Рамиды, принужденной выбирать между чувствомъ долга по отношенію къ своему отцу и сердечнымъ влеченіемъ къ Рурику, сходно съ положеніемъ Химены въ „Сидѣ" Корнеля; сходство это простирается даже на отдѣльныя сцены трагедіи: срав., напр., знаменитую сцену объясненія Родрига и Химены (acte III, sc. 4) съ аналогичной сценой въ „Вадимѣ" (д. IV, яв. 3).

Касаясь вопроса о томъ, насколько справедливы были выставленныя противъ Княжнина обвиненія въ проповѣди республиканскихъ идей, мы безусловно должны прійти къ отрицательному выводу. Хотя несомнѣнно, что Княжнинъ до извѣстной степени усвоилъ себѣ многія воззрѣнія французской просвѣтительной философіи XVIII вѣка, отразившіяся и въ его произведеніяхъ [1]), однако у насъ нѣтъ данныхъ предполагать, чтобы онъ былъ склоненъ въ какимъ-либо крайнимъ выводамъ, особенно въ области политическихъ идей. Конечно, его Вадимъ, подобно Бруту Вольтера и Циннѣ Корнеля на протяженіи всей пьесы восхваляетъ свободу и громитъ „тирановъ",—однако это естественно вытекало изъ всего замысла его характера и изъ его положенія въ качествѣ политическаго заговорщика, и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, что авторъ вкладывалъ ему въ уста свои собственныя идеи и чувства. Напротивъ того, если мы будемъ сравнивать то общее впечатлѣніе, которое производятъ оба противника—Вадимъ и Рурикъ, то не можемъ не замѣтить, что послѣдній изображенъ Княжнинымъ гораздо болѣе симпатичными чертами, чѣмъ Вадимъ, проповѣдующій свободу—и въ то же время являющійся настоящимъ тираномъ по отношенію къ собственной

---

[1]) Объ этомъ см. интересную статью Ю. Веселовскаго: „Идейный драматургъ Екатерининской эпохи: Княжнинъ и его трагедіи". („Литературные очерки", т. I, стр. 332 и сл.).

дочери, которую онъ, не спрашивая ея согласія, предназначаетъ въ награду тому, кто освободитъ отечество отъ власти Рурика. Впрочемъ, вся характеристика Вадима исчерпывается его непреклоннымъ и прямолинейнымъ республиканизмомъ: въ этомъ отношеніи фигура его чрезвычайно типична для нашей псевдо-классической трагедіи съ ея упрощенной психологіей. По сравненію съ нею, фигура Рурика производитъ гораздо болѣе „человѣчное“ впечатлѣніе, изображена гораздо полнѣе и ярче,—что однако не мѣшаетъ ей быть внутренно фальшивой и исторически неправдоподобной. Рурикъ Княжнина принадлежитъ къ числу тѣхъ идеальныхъ правителей, которыхъ такъ любили изображать наши драматурги XVIII вѣка: онъ благороденъ (отношеніе къ своему сопернику Пренесту), великодушенъ (отношеніе къ побѣжденному Вадиму), чувствителенъ и нѣженъ (отношеніе къ Рамидѣ), исполненъ искренняго желанія принести пользу подвластному ему народу, которымъ онъ хочетъ править„ какъ отецъ“. При этомъ онъ совершенно чуждъ властолюбія: если онъ и принялъ власть надъ Новгородомъ, то только по единодушной просьбѣ гражданъ и съ единственной цѣлью спасти городъ отъ раздиравшихъ его междоусобій; возражая Пренесту, Рурикъ говоритъ (д. III, яв. 5):

Твои угрозы мнѣ не могутъ быть препона
Ко щастью вашего народа обладать.
На то-ль я спасъ сей Градъ, чтобы его предать
Вельможамъ-гордецамъ, мятежнымъ и крамольнымъ,
Тѣмъ только властію моею недовольнымъ,
Что ихъ я обуздалъ народу зло творить
И въ мнимой вольности свое тиранство крыть?

Въ другомъ мѣстѣ Рурикъ слѣдующими словами изображаетъ то состояніе анархіи, въ которомъ находился Новгородъ до его призванія:

Вельможи, воины, граждане, весь народъ!
Свободы вашея какой былъ прежде плодъ?
Смятеніе, грабежъ, убійство и насилье,
Лишеніе всѣхъ благъ и бѣдствахъ изобилье!
И каждый здѣсь, когда лишь только силенъ онъ,
Одно закономъ чтилъ, чтобы свергать законъ...

Такимъ образомъ Рурикъ считаетъ свою власть хранительницей закона, защитницей „народа“ отъ притѣсненій вельможъ, „сильныхъ“ людей. Онъ не искалъ ея для себя лично, его тяготитъ „иго скипетра“, но, призванный народомъ къ правленію, онъ считаетъ долгомъ чести защищать врученную ему власть отъ всякихъ покушеній на нее; однако,

побѣдивъ Вадима и сломивъ возстаніе, поднятое имъ, онъ предлагаетъ народу быть между ними судіей, изъявляетъ готовность сложить съ себя вѣнецъ или передать его Вадиму,—но народъ, очевидно, довольный его правленіемъ, колѣнопреклоненно молитъ его сохранить власть въ своихъ рукахъ...

Изображая Рурика такими свѣтлыми, положительными чертами, оттѣняя въ его личности черты душевнаго благородства, великодушія, кротости, сознанія своего долга и т. д., Княжнинъ, очевидно, хотѣлъ создать образъ добродѣтельнаго монарха, въ стилѣ тѣхъ идеальныхъ фигуръ, какія рисовали Сумароковъ, Екатерина II и другіе драматурги того времени. Именно онъ, Рурикъ, а вовсе не Вадимъ, является настоящимъ героемъ трагедіи,—и вся она, взятая въ цѣломъ, производитъ впечатлѣніе апоѳеоза монархической власти. Тѣмъ страннѣе кажется судьба трагедіи, подвергшейся преслѣдованію въ силу явнаго недоразумѣнія. Очевидно, лица, заподозрѣвшія трагедію Княжнина въ политическомъ отношеніи, вовсе не приняли во вниманія ея общаго характера, а остановились только на отдѣльныхъ мѣстахъ ея, даже на отдѣльныхъ выраженіяхъ, показавшихся имъ недопустимыми и опасными. Какъ извѣстно, нѣсколько позднѣе, при Императорѣ Павлѣ, было даже возбуждено гоненіе противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ русскаго языка, которыя подверглись исключенію или замѣнѣ другими: такъ, вмѣсто слова „отечество“ повелѣно было писать „государство“,—слово „граждане“ замѣнить словомъ „жители“ или „обыватели“, а слово „общество“ вовсе не употреблять [1]). Весьма характерно, что всѣ эти заподозрѣнныя выраженія неоднократно встрѣчаются въ трагедіи Княжнина, а слово общество, въ современномъ его смыслѣ, едва ли не впервые употреблено было имъ въ поэтическомъ произведеніи; напр.:

„Славнѣй за общество съ Вадимомъ умереть,
Какъ ради милостей твоихъ свѣтъ солнца зрѣть“.
„О вы, за общество на вѣкъ закрывши взоръ,
Сколь щастливѣй меня вы днесь, Пренестъ, Вигоръ!“
„Изъ нашихъ согражданъ тому отдашь ты руку,
За вольность общества кто паче всѣхъ герой“.

Появленіе „Вадима“ почти не вызвало откликовъ въ современной печати: объясняется это, конечно, опалой, постигшей трагедію, о которой, послѣ ея запрещенія, уже невозможно было что-либо сказать

---

[1]) Рус. Старина, 1871 г., т. III. стр. 532.

публично. Единственная болѣе подробная статья о „Вадимѣ“, принадлежащая перу довольно извѣстнаго въ то время литератора, автора нѣсколькихъ комедій—Клушина, была напечатана въ журналѣ „С.-Петербургскій Меркурій“ (августъ, стр. 124—144). Критикъ отнесся, въ общемъ, довольно сурово къ разбираемому произведенію и совершенно справедливо указалъ на цѣлый рядъ промаховъ и несообразностей, встрѣчающихся въ ней. Такая строгая оцѣнка трагедіи, быть можетъ, объясняется отчасти и нѣкоторыми личными отношеніями среди тогдашнихъ писателей: Клушинъ, какъ извѣстно, былъ въ это время однимъ изъ ближайшихъ друзей И. А. Крылова, принимавшаго также непосредственное участіе въ изданіи журнала „С.-Петербургскій Меркурій“, въ которомъ была напечатана вышеуказанная статья; а Крыловъ, будучи чѣмъ-то обиженъ Княжнинымъ (или, по другимъ извѣстіямъ, его женою), относился къ нему крайне враждебно, высмѣивалъ его и даже выводилъ въ карикатурномъ видѣ въ своихъ комедіяхъ: такъ, напр., въ комедіи „Проказники“ (1787—88) онъ изобразилъ его въ лицѣ Ѳиѳмокрада.

Начало статьи Клушина (стр. 124—135) представляетъ собой довольно подробный пересказъ содержанія „Вадима“; вторая же половина ея заключаетъ въ себѣ критическій разборъ ея, очень характерный для пріемовъ и методовъ тогдашней литературной критики, въ виду чего считаемъ нелишнимъ привести эту часть статьи in extenso.

„Каждый изъ моихъ почтенныхъ читателей можетъ теперь судить о планѣ трагедіи. Я не намѣренъ раздроблять его, дабы находить въ немъ погрѣшности. Знатоки театральные безъ меня увидятъ, хорошъ ли онъ или дуренъ. Я спрошу только: какая нужда была г. сочинителю дабы Пренестъ (дѣйст. 3-е, явлен. 4-е) высказалъ такъ странно заговоръ Новгородцевъ противу Ѳурика, когда онъ хотѣлъ узнать не Пренестъ ли его солюбовникъ?—Ежели сіе случилось отъ недоразумѣнія—то недоразумѣніе сіе не похоже-ли на комическое дѣйствіе?—Имѣлъ ли нужду Ѳурика вывѣдывать и о томъ и о другомъ, когда и самый заговоръ противъ него дѣланъ былъ на площади? Естественно ли сіе дѣйствіе, которое, такъ сказать, происходило на глазахъ Ѳурика? Можно ли было не узнать ему и Изведу о заговорѣ, не будучи отвлечену отъ того какою-либо чудесностью? Какимъ образомъ столь неосторожнымъ, столь глухимъ могъ быть Пренестъ, когда Изведъ указывая на него Ѳурику говоритъ:

Я долженъ низкаго совмѣстника открыть:
Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія Царева.

Когда по сему то Ѳурикъ говоритъ Пренесту: Приближься ты ко

мнѣ, щастливый гражданинъ...—Какъ изъ всего этаго Пренестъ не могъ понять, что у него не о заговорѣ спрашиваютъ, но о Рамидѣ?—Или, наконецъ, какимъ образомъ Вадимъ могъ избрать къ столь страшному предпріятію, каковъ мятежъ, столь нескромнаго болтушку, каковъ Пренестъ?—Это бы было безъ сомнѣнія противорѣчіе; а Вадимъ почитаетъ Пренеста лучшимъ гражданиномъ Новгородскимъ. Какимъ страннымъ случаемъ Изведъ узнаетъ, что Рамида обѣщена Пренесту, но не знаетъ того, что дѣлается заговоръ противу Рурика?—Ибо сочинитель изъ одного извлекаетъ другое. Тоесть: тѣмъ то Вадимъ и возбуждаетъ Пренеста къ заговору, что предлагаетъ ему дочь свою—вотъ другое противорѣчіе, котораго согласить не льзя.

Всю трагедію составляютъ три только дѣйствующія лица: Рурикъ, Вадимъ, и дочь его, Рамида. Рурикъ есть кроткій, милосердный и благоразумный Государь; Вадимъ—строгій, изступленный и, можно сказать, безумный Республиканецъ.—Самыя его покушенія на возвращеніе вольности Новгородцамъ тогда, когда они добровольно вручили и власть и корону Рурику, не есть ли покушеніе безразсудное?—Желаніе обратить ихъ въ прежднее безначаліе не есть ли желаніе самаго лютѣйшаго ихъ зла?—Не для того ли хотѣлъ низвергнуть съ престола Рурика, дабы самому обладать Республикой?—и, сдѣлавшись идоломъ народа, повергнуть ихъ въ мучительныя цѣпи рабства: что всего чаще дѣлается въ Республикѣ?—Рамида, пылкая, благоразумная; но послушная отцу Республиканка.—Забыть любовника обожаемаго, въ то же время хотѣть вручить себя тому, кто свергнетъ съ престола кроткаго и мудраго Рурика, который взаимно обожаетъ ее;—потомъ заколоться безъ малѣйшей причины—вотъ поступокъ и повиновеніе къ отцу, могущіе показаться естественными только развѣ—въ трагедіи.

Пренестъ и Вигоръ суть два лица, которыя во всей трагедіи ничего не дѣйствуютъ. Они только что пересказываютъ о ненависти народа къ Рурику, когда, между тѣмъ, народъ его обожаетъ. Сіи два лица изчезаютъ въ 3-мъ дѣйствіи, и читатель съ нуждою вспомнитъ объ нихъ тогда, когда Вадимъ въ 5-мъ уже дѣйствіи мимоходомъ скажетъ дочери своей, что они умерли сражаясь со славою.

Не лучше ли бы было, ежели бы г. сочинитель сдѣлалъ въ развязкѣ переломъ характера Вадима?—Не лучше ли бы было, когда бы Вадимъ призналъ въ Рурикѣ благотворителя Новгородцевъ и сочеталъ съ нимъ Рамиду?—Кажется, сіе дѣйствіе было бы живѣе, неожиданнѣе, благоразумнѣе и нравоучительнѣе. Что почерпнетъ для сердца и разума зритель и читатель изъ развязки настоящей?—или презрѣніе къ непреклонности безумца Республиканца, или—ничего. Но въ другомъ случаѣ онъ увидѣлъ бы два великія дѣйствія: первое, снисхожденіе Рурика, и дру-

гое—благоденствіе семейства Вадима и Новгородцевъ. Самый Вадимъ могъ бы съ своею неустрашимостью быть еще преполезнымъ гражданиномъ; а теперь онъ болѣе ничего не дѣлаетъ какъ умираетъ—а это весьма обыкновенно.

Стихи въ Трагедіи есть хорошіе, прекрасные; есть мѣста, гдѣ мысли растянуты и отъ того теряютъ красоту свою; и наконецъ, есть стихи, которые критиковать должно,—напримѣръ:

Пренестъ [дѣйст. 1, явл. 1].

Уже Вадимъ, свершивъ со славою войну,
Приходитъ наконецъ въ отеческу страну.

Къ чему тутъ наконецъ, когда есть уже? только для наполненія стопъ.

Но свой возвратъ почто отъ всѣхъ гражданъ скрываетъ?..

Но свой возвратъ почто, вмѣсто но почто свой возвратъ,—есть натяжка и нечистота. Самое имя существительное возвратъ вмѣсто возвращеніе, и для языка и для музыки нехорошо.

И только лишь двухъ зрѣть насъ удостояетъ.

Въ этомъ стихѣ и стопы неполныя, и музыка слишкомъ дурна.

Вадимъ [явленіе 3].

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться,
И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться?

Сверхъ того, что въ послѣднемъ стихѣ мысли темны, и въ стадѣ человѣкъ—погрѣшность весьма чувствительная. Первое потому, что вмѣсто множественнаго людей сказано въ единственномъ человѣкъ; второе потому, что во множественномъ человѣкъ не по Руски; и наконецъ, имя собирательное стадо для людей низко.

Далѣе оставляю мои замѣчанія. Кто имѣетъ вкусъ и тонкой слухъ, тотъ найдетъ и безъ меня множество погрѣшностей въ стихахъ и въ языкѣ. Вообще Вадимъ не есть лучшая изъ трагедій г. Княжнина. Кажется, что онъ началъ и кончилъ Дидоной“.

Кромѣ Клушина на трагедію Княжнина печатно отозвался еще извѣстный „рузаевскій“ стихотворецъ, графоманъ Николай Струйскій, издавшій въ 1794 году небольшую брошюру: „Письмо о Россійскомъ теятрѣ нынѣшняго состоянія“, напечатанную въ его собственной типографіи, въ селѣ Рузаевкѣ. Какъ всѣ изданія Струйскаго, это произведеніе

его было оттиснуто въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и не поступало въ продажу, а потому въ настоящее время является большой библіографической рѣдкостью. Оно представляетъ собой стихотворное посланіе, обращенное къ знаменитому артисту Дмитревскому и написанное обычными для Струйскаго тяжелыми и неуклюжими виршами, въ которыхъ иногда только съ трудомъ можно уловить мысль автора. Струйскій очень отрицательно смотритъ на современное состояніе русскаго театра, противопоставляя его прежнему славному прошлому, живого представителя котораго онъ видитъ въ лицѣ Дмитревскаго. Онъ вспоминаетъ съ грустью о той славной эпохѣ, когда Дмитревскій блисталъ въ трагедіяхъ Сумарокова, „сѣвернаго Расина", въ роляхъ Хорева, Трувора и Мстислава. Тогда театръ былъ дѣйствительно школой добродѣтели, теперь же онъ, съ негодованіемъ замѣчаетъ Струйскій, разсѣваетъ пагубный ядъ вольнодумства и безначалія. Послѣдующія строки ясно показываютъ, что выставленныя авторомъ обвиненія направлены главнымъ образомъ противъ „Вадима" Княжнина, а также противъ вышеназванной трагедіи Николева; въ очень запутанныхъ и невразумительныхъ стихахъ изображается здѣсь нѣкій „трагикъ",—

Единовластіе Монарха обносящій,
Безчестно бредящій волнуя духъ и нравъ:
Исчезни, говоритъ, сей пагубный уставъ,
Которой заключенъ въ одной Монаршей волѣ!
. . . .
Творецъ себя явить хотѣлъ Аристофаномъ
И, выю воздымя, казать себя титаномъ.
Но не Аѳины здѣсь! здѣсь Русская страна,
Во власть отъ Бога здѣсь Монархамъ отдана...
. . . .
На то-ль я буду мысль мою въ стихахъ здѣсь ткать,
Чтобъ беззаконію плескать и потакать!
Иль паче растравлять и къ буйству предводима,
Хвалить чтобы я сталъ прегнуснаго Вадима,
Котораго судьбы низринули на вѣкъ!
Мнѣ мнится авторъ сей былъ духъ, не человѣкъ,
И удостоенный Монарша снисхожденья,
Безуміемъ влеченъ онъ потерялъ почтенье...

Струйскому кажутся весьма подозрительными въ трагедіи постоянные выпады противъ „тирановъ",—въ нихъ онъ готовъ даже видѣть какіе-то предосудительные намеки:

Какъ будто мы живемъ въ такой желѣзный вѣкъ,
А онъ (авторъ) трагедіей своей насъ просвѣщаетъ,
Повсюду истреблять тирановъ возвѣщаетъ,
Со свѣта гнать велитъ... Но гдѣ они?—Ни гдѣ!
И путается самъ творецъ въ своемъ трудѣ!

Въ особенности возмущается Струйскій тѣмъ, что авторъ примѣняетъ названіе „тирана" къ Рюрику, родоначальнику русскихъ царей: этимъ „Россійскихъ онъ Князей ихъ предка ославляетъ", „безчеститъ свой народъ, театръ совсѣмъ безславитъ". Крайне возмутительнымъ кажется ему и восхваленіе „вольности", которая, по мнѣнію Струйскаго, является удѣломъ однихъ дикихъ звѣрей, живущихъ въ одиночку, а не людей, живущихъ въ обществѣ:

Не можетъ человѣкъ свободой величаться,
Затѣмъ, что отъ Творца той не дано ему,
Чтобы въ разсѣяньи и жити одному.
Насъ учатъ: будь ты звѣрь! прерви свои оковы!..

Такими разсужденіями авторъ трагедіи, „дерзостныхъ и хульныхъ словъ рачитель", читателей „коварный соблазнитель",—подрываетъ уваженіе ко всякой власти, уваженіе къ законамъ, безъ которыхъ не можетъ существовать государство:

Закономъ я играть не буду никогда
И буду чтить его на свѣтѣ завсегда:
Законъ Татаринъ чтитъ, Японецъ, Африканецъ,—
Отмещетъ днесь ево одинъ Французъ, поганецъ!

Струйскій видитъ въ подобныхъ писаніяхъ явную опасность для государственнаго порядка, призывъ къ мятежу. Ужасы французской революціи, по его мнѣнію, прямой результатъ „вольности писцовъ", т.-е. пропаганды злонамѣренныхъ писателей, въ родѣ Вольтера, который „языкъ свой вычистилъ на изліянье зла" и „на все, что въ свѣтѣ есть, на все онъ поползнулся". Авторъ неоднократно обрушивается на него со всевозможными упреками, хотя и признается, что и самъ онъ когда-то увлекался имъ,—„доколѣ всей ево не искусилъ отравы". Въ трагедіи Княжнина онъ видитъ отраженіе зловредныхъ идей Вольтера, оказавшихся столь опасными у себя на родинѣ. Въ заключеніи онъ снова обращается къ Дмитревскому съ призывомъ возстановить прежнюю славу русскаго театра, доказывая, что нѣтъ недостатка въ хорошихъ русскихъ піесахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя впали въ незаслуженное забвеніе, въ родѣ „Деидаміи" Тредьяковскаго.

„Письмо о Россійскомъ театрѣ“, съ его нелѣпыми и безтолковыми виршами, въ настоящее время, конечно, представляетъ само по себѣ только интересъ литературнаго курьеза; однако въ немъ, несомнѣнно, отразилось отношеніе къ трагедіи Княжнина извѣстной части русскаго общества, напуганной кровавыми событіями французской революціи и склонной поэтому искать ихъ причину въ „вольности писцовъ“ и распространяемыхъ ими разрушительныхъ идеяхъ. Отсюда и проистекало то чрезмѣрно недовѣрчивое и подозрительное отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ, благодаря которому иногда не обращали вниманія на общій смыслъ ихъ, а придирались къ отдѣльнымъ мыслямъ и выраженіямъ, почему-либо казавшимся зазорными и опасными. Такъ и Струйскій, нисколько не вникая во внутреннее содержаніе разбираемой трагедіи, не пытаясь разобраться въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, а останавливаясь только на отдѣльныхъ фразахъ и словахъ, выхваченныхъ изъ контекста, обвиняетъ автора во всевозможныхъ тайныхъ умыслахъ,—въ томъ, что онъ „отмещетъ полну власть присвоивать Царямъ“, что онъ стремится „добраго Царя явить очамъ тираномъ“ и этимъ „вѣрность онъ къ Монархамъ подсѣкаетъ“. Выше мы видѣли, насколько справедливы были эти обвиненія и нападки,—но тѣмъ не менѣе они возымѣли свое дѣйствіе, и трагедія Княжнина подверглась незаслуженной опалѣ.

Критическая статья Клушина и стихотворное посланіе Струйскаго представляютъ собой единственные отголоски, какіе трагедія Княжнина нашла въ современной литературѣ. Только уже значительно позднѣе, въ Александровскую эпоху, упоминаніе о ней встрѣчается у нѣкоторыхъ писателей, напр., у Воейкова. Однако, сама трагедія не попала ни въ одно изъ послѣдующихъ изданій сочиненій Княжнина (2-е изд. 1802—03 гг., 3-е изд. 1817—18 гг., 4-е изд.—Смирдина 1847 г.). Впервые „Вадимъ“ былъ перепечатанъ Ефремовымъ въ „Рус. Старинѣ“ 1871 г. (т. III, стр. 733—781), однако, съ пропускомъ четырехъ строкъ („Самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель...“ и т. д.). Съ такимъ же изъятіемъ трагедія Княжнина была напечатана Бурцевымъ въ его изданіи: „Библіографическое описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ“ (т. I, стр. 88—108). Такимъ образомъ, только въ настоящемъ изданіи впервые перепечатывается цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ, текстъ трагедіи, давно уже пережившей столѣтнюю давность.

Первоначально „Вадимъ“ вышелъ въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи (in—8, 73 нум. стр.). Г. Семенниковымъ были найдены въ архивѣ Академіи нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся этого изданія и позволяю-

щія болѣе точно установить фактическую сторону всей этой исторіи [1]). Прежде всего выясняется, что самое изданіе было предпринято не Академіей, какъ предполагали до сихъ поръ, основываясь на показаніяхъ кн. Дашковой, а было сдѣлано по заказу книгопродавца Глазунова. 4 іюня 1793 года состоялась резолюція Академической канцеляріи о напечатаніи, „по просьбѣ книгопродавца Ивана Глазунова", трагедіи Вадимъ Новгородскій, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено: „по наборѣ каждаго листа оной піесы отпечатывать и въ Россійскій Ѳеатръ, для избѣжанія вторичнаго набора". Печатаніе продолжалось нѣсколько болѣе мѣсяца, и 14 іюля состоялось новое постановленіе о выпускѣ книги изъ типографіи. Что касается до 39-го тома „Россійскаго Ѳеатра", въ составъ котораго вошла трагедія Княжнина, то онъ былъ выпущенъ въ свѣтъ лишь два съ половиной мѣсяца спустя, согласно постановленію канцеляріи Академіи отъ 30 сентября. А черезъ полтора мѣсяца, 11 ноября 1794 г. уже состоялось распоряженіе о конфискаціи злополучной трагедіи: „Изъ всѣхъ напечатанныхъ экземпляровъ и имѣющихся въ книжномъ магазинѣ и лавкѣ 39-й части Рсссійскаго Ѳеатра помѣщенную въ оной трагедіо Вадимъ Новгородскій вынуть и доставить генералъ-прокурору чрезъ присланнаго отъ него; сколько жъ отдано будетъ записать по онымъ въ расходъ и рапортовать".

Изъ постановленія Академической канцеляріи отъ 4 іюня ясно видно, что Вадимъ печатался въ „Рос. Ѳеатрѣ" съ того же набора, съ котораго сдѣлано было и отдѣльное изданіе для Глазунова. Этимъ рѣшительно опровергается утвержденіе Губерти, будто „наборъ отдѣльнаго оттиска трагедіи совершенно различенъ отъ того, которымъ она напечатана въ 39 томѣ Ѳеатра, что сейчасъ бросается въ глаза при взглядѣ и сличеніи обоихъ изданій трагедіи" [2]). Впрочемъ, между тѣмъ и другимъ изданіемъ есть нѣкоторыя различія, впрочемъ, немногочисленныя и мало существенныя: такъ, на первой страницѣ трагедіи въ Рос. Ѳеатрѣ поставлена небольшая заставка и исправленъ 4-й стихъ въ рѣчи Вигора: „И только лишь двоихъ зрѣть насъ удостояетъ",—который въ отдѣльномъ изданіи былъ напечатанъ, очевидно, неправильно, съ потерей размѣра: „И только лишь д в у х ъ зрѣть насъ удостояетъ". Зато въ другихъ мѣстахъ явныя ошибки и опечатки остались безъ исправленія; такъ, напр., въ обоихъ изданіяхъ слова Вигора въ концѣ 3-го дѣйствія

---

[1]) Русскій Библіофилъ, 1913, январь, стр. 62 и сл.

[2]) Губерти. Матеріалы для русской библіографіи. Москва, 1881. Вып. III, стр. 479, прим.

(явл. 6-е) напечатаны одинаковымъ образомъ, съ неправильной пунктуаціей, лишающей ихъ всякаго смысла:

И такъ я былъ. О рокъ коварства ихъ игрою...

Точно также осталась неисправленной неправильная риѳмовка въ рѣчи Рамиды (дѣйст. II, явл., 3-е):

Богами и тобой самимъ я въ томъ клянусь,
Что тажъ Рамида я, что вѣкъ не премѣняюсь.

Къ числу различій между отдѣльнымъ изданіемъ Вадима и его перепечаткой въ Рос. Ѳеатрѣ относится также и то, что въ первомъ вовсе нѣтъ въ концѣ страницъ такъ назыв. „переносовъ“; въ Рос. Ѳеатрѣ они вставлены, однако, не на протяженіи всей трагедіи, а только въ началѣ ея (въ дѣйствіи 1-мъ и части 2-го).

Кромѣ двухъ первоначальныхъ изданій, отдѣльнаго и въ „Рос. Ѳеатрѣ“, мы пользовались при перепечаткѣ „Вадима“ еще одной старой рукописью, содержащей не мало отступленій отъ печатнаго текста. Рукопись эта принадлежитъ въ настоящее время Николаю Павловичу Сидорову, который любезно предоставилъ ее въ наше распоряженіе, за что мы приносимъ ему свою искреннюю и глубокую благодарность. Къ сожалѣнію, никакихъ данныхъ по вопросу о ея происхожденіи установить не удалось; только печатный штемпель на первой страницѣ ея: „Библіотека Н. И. Носова, N...“ свидѣтельствуетъ, что нѣкогда она принадлежала книгохранилищу извѣстнаго московскаго собирателя. Повидимому, она первоначально входила въ составъ какого-то рукописнаго сборника, потому что нумерація ея начинается съ 23 страницы и заканчивается 74. Размѣры рукописи—обычный листъ писчей бумаги. Послѣдняя носитъ водяной знакъ: М. О. К. Ф. 1816. Писана она довольно сжатымъ почеркомъ, приближающимся болѣе къ почерку конца XVIII вѣка, чѣмъ къ почерку Александровской эпохи, къ которой она принадлежитъ (особенно характерны по своимъ начертаніямъ буквы *в* и *м*). Отступленія отъ печатнаго текста довольно многочисленны и разнообразны. Почти всѣ они свидѣтельствуютъ о явномъ и сознательномъ стремленіи внести въ текстъ трагедіи различныя исправленія, замѣнить неудачные выраженія и обороты болѣе удачными, придать стиху бóльшую легкость и правильность: такимъ образомъ измѣненія эти касаются не столько смысла и содержанія текста трагедіи, сколько ея внѣшней формы,—языка и стиля, которые въ „Вадимѣ“ значительно слабѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ того же автора. Какъ извѣстно, трагедія Княжнина была напечатана уже послѣ его смерти,—быть-можетъ, даже по неисправному или черновому тексту: по крайней

мѣрѣ въ ней нерѣдко встрѣчаются явные недосмотры· грамматическія неправильности, несогласованныя риѳмы, стихи съ невыдержаннымъ размѣромъ и т. д. Весьма возможно, что и Княжнинъ, если бы онъ самъ печаталъ свою трагедію, внесъ въ нее много поправокъ и измѣненій, такъ какъ онъ вообще обращалъ большое вниманіе на внѣшнюю отдѣлку своихъ произведеній, которая у него для того времени почти безупречна. Исходя изъ этого соображенія и принимая во вниманіе, что варіанты рукописи нисколько не искажаютъ смысла тѣхъ фразъ, въ которыхъ они встрѣчаются, мы рѣшились внести значительную часть этихъ измѣненій въ самый текстъ трагедіи. Если они и не принадлежатъ перу самого автора, то все-таки за ними уже столѣтняя давность, сдѣланы они умѣлою рукой, и представляютъ собой дѣйствительныя исправленія текста,—да, наконецъ, и самъ Княжнинъ, конечно, не принадлежитъ къ числу такихъ писателей, каждая строка которыхъ должна быть для насъ священной и заповѣдной. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведенъ текстъ печатнаго изданія 1793 года.

Рукопись Носова заканчивается слѣдующимъ любопытнымъ четверостишіемъ, подписаннымъ „К—ой“, свидѣтельствующимъ о высокомъ уваженіи, какимъ пользовался тогда Княжнинъ, какъ трагикъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заключающимъ въ себѣ, въ послѣднемъ стихѣ, явный намекъ на гоненіе, постигшее его Вадима:

Софоклъ, Волтеръ и самъ чувствительный Расинъ,
Узрѣвъ межъ тѣнями—странъ сѣверныхъ піита,
Въ восторгѣ всклѝкнули: „въ храмъ Славы, другъ Княжнинъ!
Творцу Вадимову—безсмертіе защита!“

В. Саводникъ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ

ТРАГЕДІЯ

въ

стихахъ,

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинена

ЯК. КНЯЖНИНЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи НаукЪ,

1793 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

РУРИКЪ, Князь Новгородскій.

ВАДИМЪ, посадникъ и полководецъ.

РАМИДА, дочь его.

ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ. } Посадники.

ИЗВЕДЪ, наперсникъ Руриковъ.

СЕЛЕНА, наперсница Рамидина.

ВОИНЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ Новѣгородѣ на площади.

ТРАГЕДІЯ
ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(ночь)

ПРЕНЕСТЪ и ВИГОРЪ.

ВИГОРЪ.

Уже Вадимъ, свершивъ со славою войну,
Приходитъ наконецъ въ отеческу страну;
Но свой возвратъ почто отъ всѣхъ гражданъ скрываетъ
И только насъ двоихъ онъ зрѣть удостояетъ?[1]
Почто назначилъ онъ свиданья съ нами часъ,
Доколь не освѣтитъ лучь солнца нашихъ глазъ,
На самой площади, намъ прежде толь священной,
Новградской гдѣ народъ, свободой возвышенной,
Подвластенъ только бывъ законамъ и богамъ,
Уставы подавалъ полнощнымъ всѣмъ странамъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Самодержавна власть все нынѣ пожираетъ
И Рурикъ многихъ здѣсь одинъ плоды сбираетъ:[2]
Вотъ, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Гдѣ, уклоняяся предъ смертнымъ на престолѣ,
Увидитъ онъ себя въ одной съ рабами долѣ.
Се онъ! и въ слѣдъ за нимъ тѣхъ ратниковъ толпы,
Которыхъ славы въ путь вели его стопы.

Въ изданіи 1793 г. означенные стихи читаются слѣд. образомъ:
[1] И только лишь двухъ зрѣть насъ удостояетъ.
[2] И Рурикъ многихъ здѣсь вѣковъ плоды сбираетъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВАДИМЪ
(за нимъ нѣсколько военачальниковъ, бывшихъ съ нимъ на войнѣ).

ПРЕНЕСТЪ и ВИГОРЪ

ВАДИМЪ.

Я васъ-ли зрю, Вигоръ, Пренестъ, великодушны!

ПРЕНЕСТЪ.

Мы, повелѣніямъ твоимъ всегда послушны,
Для насъ священный твой исполнили приказъ.

ВАДИМЪ.

Друзья, въ отечествѣ-ль моемъ я вижу васъ?..
Уже заря верьхи тѣхъ башенъ освѣщаетъ,
Которыя Новградъ до облакъ возвышаетъ.
Се зримъ Перуновъ храмъ, гдѣ громъ его молчитъ—
Въ недѣйствіи Перунъ, злодѣйства видя, спитъ!
И се тѣ славные, священные чертоги,
Вельможи наши гдѣ, велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшимъ изъ гражданъ,
Ограды твердыя свободы здѣшнихъ странъ,
Народа именемъ, который почитали,
Трепещущимъ царямъ законы подавали.
О, Новградъ! что ты былъ, и что ты сталъ теперь?

(Обращаяся ко всѣмъ)

Героевъ сонмъ! его величье ты измѣрь;
А я, отъ горести, его въ оковахъ видя,
Безсиленъ то свершитъ я жизни ненавидя...
Вы содрагаетесь?.. И какъ не трепетать,
Когда изъ рабства безднъ осмѣлимся взирать
На прежню высоту отечества любезна!
Вся сила Сѣвера, предъ онымъ безполезна,
Его могущество, не знающе враговъ,

Равнялось въ ужасѣ съ могуществомъ боговъ.
А днесь сей пышный градъ, сей Сѣвера владыка—
Могли-ли ожидать позора мы толика!—
Сей гордый Исполинъ, владыки самъ у ногъ
Поверженъ, то забылъ, что прежде онъ возмогъ!
Забылъ?—Но какъ забыть? Что взоръ ни поражаетъ,
Все славу падшую его изображаетъ!
Воззримъ-ли на поля--еще тамъ слышенъ громъ,[4]
Которымъ Готѳъ сраженъ, дерзнувъ намъ быть врагомъ;
Илъ очи обратимъ на внутренности града,
Рѣками гдѣ текла съ свободою отрада,
Повсюду зримъ стези, гдѣ гордые цари[5]
Покорство намъ несли, по тщетной съ нами при.
Вотъ мѣсто самое, тѣхъ почестей свидѣтель,
Когда здѣсь нашъ народъ, владыкамъ благодѣтель,
Гонимаго царя Варягъ приявъ подъ кровъ,
Заставилъ въ трепетѣ молчать его враговъ.
Граждане! вспомните то славой полно время,
Но вспомните—дабы низвергнуть гнусно бремя!..
О стыдъ! сей царь тогда покоренъ, удрученъ,
Съ моленіемъ представъ въ рединѣ нашихъ стѣнъ,
Свое чело на прахъ предъ нами уклоняетъ;
А днесь—о грозный рокъ!—онъ нами обладаетъ...
Сей Рурикъ!.. Не могу я болѣ продолжать;
Но ваше чувство вамъ то можетъ докончать,
Чего въ отчаяньи свершить мой гласъ не можетъ.

ВИГОРЪ,

И наше сердце грусть твоей подобно гложетъ.
Отечество мы зря низверженно въ напасть,
Въ отчаяньи его оплакиваемъ часть.

---

[3] Равняла въ ужасѣ съ могуществомъ боговъ...
[4] Воззримъ ли на поля; еще звучитъ тамъ громъ.
[5] Повсюду тѣ стези, гдѣ гордые цари...

ВАДИМЪ.

Оплакиваете?.. О страшныя премѣны!
Оплакиваете?.. Но кто-же вы?.. Иль жены?
Иль Рурикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ—разить?

ПРЕНЕСТЪ.

Мы алчемъ въ слѣдъ тебѣ на вѣкъ себя прославить
Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
Но хоть усердїе въ сердцахъ у насъ горитъ,
Однако способовъ еще къ тому не зритъ.
Пренебрегая дни, и гнусны и суровы,
Коль должно умереть, мы умереть готовы;
Но чтобы наша смерть не тщетная, отъ зла
Спасти отечество любезное могла,
И чтобы узы рвать стараясь мы въ неволѣ,[6]
Не отягчили-бы сихъ узъ еще и болѣ.
Познаешь самъ, Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рурикъ здѣсь воздвигнулъ безъ препонъ,
Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа;
Увѣдаешь какъ имъ отъятая свобода
Прелестной властїю его замѣнена;
Узнаешь, какъ его держава почтена,
И истинныхъ сыновъ отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдилися-бъ того, что въ свѣтѣ смертный есть,
Въ рукахъ котораго ихъ вольность, жизнь и честь.
Коварствомъ Рурика граждански слабы силы;
А воинствомъ Варягъ наполненъ градъ унылый.
Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать,
И боги случай намъ удобный могутъ дать.

---

[6] И что бы узы рвать стремяся мы въ неволѣ...

ВАДИМЪ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться
И въ сонмѣ низкихъ душъ безъ славы пресмыкаться? [7]
Но боги дали намъ свободу возвратить:
И сердце—чтобъ дерзать, и руку - чтобъ разить!
Ихъ помощь въ насъ самихъ! Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите;
А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
Подвигнусь умереть, владыки не терпя!
О Рокъ! отечества три лѣта отлученный,
За славою его побѣдой увлеченный,
Оставилъ съ вольностью, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
На насъ воздвигшихся низвергнулъ гордость въ прахъ; [8]
Я подвиговъ моихъ плоды несу народу;
Что-жъ вижу здѣсь? Вельможъ, утратившихъ свободу,
Въ подлѣйшей робости согбенныхъ предъ царемъ
И лобызающихъ подъ скиптромъ свой яремъ.
Скажите: какъ вы, зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить—
Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

ВИГОРЪ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью...

ВАДИМЪ.

Не словомъ доказать то должно-бъ—вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Или Отечество быть можетъ у рабовъ?

ВИГОРЪ.

Имѣя праведно духъ грустью огорченный
Напрасно противъ насъ ты, гнѣвомъ воспаленный, [9]

---

[7] И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться...
[8] Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
На насъ воздвигшихся свергаю гордость въ прахъ...
[9] Напрасно противъ насъ ты, гнѣвомъ омраченный...

Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ.
Жилище тишины преобратилось въ адъ;
Святая Истинна отселѣ удалилась;
Свобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась;
Междуусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.
Стремяся весь народъ быть пищей алчныхъ врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кипѣлъ.
Плачевный Новгородъ спасенія не зрѣлъ! [10]
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишася всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И плача не о нихъ—о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ въ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рурика сего на помощь призываетъ; [11]
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время, лѣтами и бѣдствомъ изнуренъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озаренъ,
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но отходя къ богамъ, чтя Рурика геройство,
Народу завѣщалъ, да сохранитъ онъ власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

ВАДИМЪ.

Владыкой! Рурика! кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, что дѣлалъ онъ для насъ?
Онъ долгъ платилъ!.. Но коль его благодѣянья

---

[10] Плачевный Новградъ! ты спасенія не зрѣлъ...
[11] Онъ Рурика сего на помощь приглашаетъ...

Казалися вамъ быть достойны воздаянья—
То должно-ль было вамъ свободою платить [12]
И рабство ваше въ даръ заслуги положить?
О души низкія! падущія подъ рокомъ,
И увлекаемы случайности потокомъ,
Ахъ! если-бъ вы себя умѣли почитать!
Блаженъ бы Рурикъ былъ, когда-бъ возмогъ онъ стать,
Въ порфиру облеченъ, гражданамъ нашимъ равенъ:
Великимъ титломъ симъ между царей ввѣкъ славенъ,
Сей честью былъ бы онъ съ избыткомъ награжденъ.
Вы мните: Гостомыслъ, геройствомъ убѣжденъ, [13]
Вамъ узы завѣщалъ, чтобъ кончить ваше бѣдство.
Иль вольность сограждан была его наслѣдство?
Иль могъ онъ васъ равно какъ тѣхъ животныхъ дать,
Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?
Закрытый въ гордости отечества любовью
И кровь соединя свою со царской кровью,
Подъ видомъ прекратить всеобщую напасть,
Онъ сыну, дочери своей здѣсь отдалъ власть;
А я тому дамъ дочь мою единородну,
Имѣя душу кто не рабску, благородну,
Стремясь отечества къ спасенью мнѣ во слѣдъ
И жизни не щадя, всѣхъ смертныхъ превзойдетъ.
Рамида та цѣна, котору предлагаю.
Тирановъ врагъ—мой сынъ!.. Къ ней страсть я вашу знаю,
Вы знаете, ея прельщенны красотой,
Алкали чести быть цари въ родствѣ со мной;
Но я пренебрегалъ приять тирана въ сына,
И, гражданинъ, хотѣлъ лишь только гражданина. [14]
Явите, имени сего достойны-ль вы?
Иль, идола рабовъ воздвигнувъ на главы,
Меня, и честь, и все ему предайте въ жертву.
Узрите и мою вы дщерь сраженну, мертву.

---

[12] Иль должно было вамъ свободою платить...
[13] Гласите, Гостомыслъ геройствомъ убѣжденъ...
[14] И гражданинъ, хотѣлъ Новградска гражданина...

ВИГОРЪ.

Чтобы достойнымъ быть дражайшей толь руки,
Готовъ одинъ презрѣть несмѣтные полки,
Которыми престолъ свой Рурикъ окружаетъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Колико щастія сего мой духъ алкаетъ,
И сколько я мое отечество люблю—
Съ оружіемъ въ рукахъ я то тебѣ явлю.

ВИГОРЪ.

Клянусь Перуновымъ я именемъ священнымъ,
Клянуся сердцемъ я Рамидою прельщеннымъ,
На все дерзать—

ПРЕНЕСТЪ.

Прими ты клятву и мою.

ВАДИМЪ.

О жаръ героевъ! Васъ я нынѣ познаю!
Надежда вы гражданъ, отечества отрада!

(къ военачальникамъ, съ нимъ пришедшимъ)

Поборники мои! оставимъ стѣны града,
И пользуясь еще остаткомъ слабой тьмы,
Въ тѣ дебри мрачныя отсель отъидемъ мы,
Гдѣ ратники мои побѣдою вѣнчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору въ нихъ возжегъ отечества уронъ,
Рѣшились умереть или низвергнуть тронъ.
Вигоръ къ героямъ симъ послѣдуетъ за нами,—
Пренестъ, останься здѣсь и управляй сердцами. [15]
Ступайте!..

(Военачальники и Вигоръ уходятъ).

---

[15] Пренестъ останется здѣсь правити сердцами...

ЯВЛЕНІЕ 3.

ВАДИМЪ и ПРЕНЕСТЪ.

ВАДИМЪ.

Я тебѣ ввѣряю нашу честь:
Потщись воспламенить къ отечеству ту страсть,
Которая гражданъ героями творила,
Которую въ сердцахъ держава истребила,[16]
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то имъ.
Сравняй себя, Пренестъ, съ почтенїемъ моимъ.
Хоть въ равный путь Вигоръ съ тобою и стремится,
Но твой успѣхъ моимъ желаньемъ становится.
Блаженъ, когда тебя обязанъ награждать,
Къ Рамидѣ возмогу твой пламень увѣнчать.

ПРЕНЕСТЪ.

И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
И лестнымъ мнѣ твоимъ почтеньемъ восхищенный,
Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
Что жаръ къ отечеству дѣлитъ во мнѣ любовь,[17]
И можетъ быть твое почтенье уменьшаетъ,—
Награда, чѣмъ Вадимъ мнѣ сердце утѣшаетъ.
Вѣрь мнѣ, хотя всего превыше чту сей даръ,
Но должности моей—любви не вреденъ жаръ,
Въ которомъ все мое я щастье обрѣтаю;
И если къ горести Рамидою я таю,
Хотя несклонна мнѣ пребудетъ навсегда,
Нещастенъ быть могу, безчестенъ—никогда!
Увидишь ты меня, надежды всей лишенна,
За общество въ твой слѣдъ геройски устремленна,
Какъ и съ надеждою равно несуща грудь,
Пренебрегая жизнь, въ кровавый славы путь.

---

16 Которую въ сердцахъ держава затворила...
17 Что жаръ къ отечеству дѣлитъ моя любовь...

ВАДИМЪ.

Сего надѣюсь я, Пренеста сердце зная;
Но дочь Вадимову такъ мало почитая,
Почто ты думаешь ее несклонну зрѣть
И общества въ тебѣ спасителя презрѣть?
Въ ней кровь моя: она не будетъ малодушна
И, только должности своей всегда послушна,
Тѣ сердца слабости умѣетъ обуздать,
Которы нѣга въ насъ удобна возрождать.
Воспитанная мной, ты будешь въ томъ свидѣтель,
Ей власть моя—законъ, а щастье добродѣтель.
Прости, ужъ солнца лучь, распространяя свѣтъ,
Въ дремучїе лѣса меня отсель зоветъ.
Увы! когда уже здѣсь все порабощенно,
Здѣсь нѣтъ отечества—оно все тамъ вмѣщенно,
Герои наши гдѣ, взносяся надъ судьбой,
Готовы умереть, иль скиптръ попрать ногой!

ПРЕНЕСТЪ.

Но дочь, незнающу Вадима возвращенья,
Почто узрѣть тебя лишаешь утѣшенья?

ВАДИМЪ.

Прибытїе мое брегись открыть и ей:
Хоть горько для души родительской моей,
Что часъ свиданїя я съ нею отдаляю;
Но я отечество себѣ предпочитаю.
Спѣшу устроить все, чтобы въ грядущу ночь,
Свободу здѣсь узрѣвъ, мою увидѣть дочь.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РАМИДА и СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Се приближается тотъ часъ тобой желанный,
Въ который твой отецъ, побѣдою вѣнчанный,
Вадимъ, прибытіемъ обрадовавъ сей градъ,
Рамидѣ принесетъ съ собою тьму отрадъ.
Узришь возлюбленна родителя, героя,
Который, общества спокойствіе устроя,
Ко прекращенію любезной дщери мукъ
Приходитъ, изъ своихъ побѣдоносныхъ рукъ
Отдать ее въ вѣнцѣ пылающему ею.
Увѣрена твоей чувствителной душею,
Твое величіе не чту себѣ въ уронъ.
Супруга Рурика, возшедшая на тронъ,
Надѣюсь для меня Рамидою пребудетъ
И дружества во вѣкъ Селены не забудетъ.

РАМИДА.

Ты знаешь чувствія Рамидиной души.
Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
Которая мое блаженство возвышаетъ;
Она равно мой духъ плѣненный утѣшаетъ,
Какъ та безсмертная неодолима страсть,
Безъ коей всякое мнѣ щастіе—напасть.
Вѣрь мнѣ, сей блескъ вѣнца, престола возвышенье,
Для чувствъ Рамидиныхъ презрѣнно утѣшенье!
Въ корысти, въ гордости я сердца не гублю.
Не князя въ Рурикѣ, я Рурика люблю.

СЕЛЕНА.

Душою обладать героя ты достойна;
Но въ ожиданіи твоихъ отрадъ спокойна,
Готовясь къ щастію соединиться съ нимъ, [1]
Не огорчаешь-ли предчувствіемъ какимъ
Души, нѣжнѣйшею любовью упоенной?
Не вопіетъ-ли гласъ свободы сокрушенной?
Не представляется-ль великій твой отецъ [2]
Во гнѣвѣ, въ ярости, зря царскій здѣсь вѣнецъ?

РАМИДА.

Почто смущать мое блаженство сей напастью?
И что свобода вся предъ Руриковой властью?
Вѣрь мнѣ, родитель самъ, героя зря сего,
Свободу, гордость, все—забудетъ для него.
Возможно-ль Рурика кому возненавидѣть?
Чтобъ обожать его, лишь надобно увидѣть.
Своею вольностью лишенный всѣхъ отрадъ,
Не то-ли чувствовалъ, что я, и весь сей градъ,
Какъ Рурикъ къ намъ привелъ торжественное войско.
Вообрази себѣ сіе чело геройско,
Престолъ божественныхъ его души добротъ,
Надежду будущихъ властителя щедротъ,
Тѣ очи молніей и кротостію полны,
Когда, смиривъ онъ здѣсь смятенья страшны волны,
Народъ признательный привлекъ къ своимъ ногамъ.
Коль можетъ человѣкъ подобенъ быть богамъ,
Конечно, Рурикъ имъ единый только равенъ.
Воспомни ты, какъ онъ побѣдоносенъ, славенъ,
Доволенъ только тѣмъ, что намъ благотворилъ,
Въ своей душѣ за то награду находилъ
И, мужествомъ прервавъ плачевны наши стоны,

---

[1] Готовясь къ щастью быть спряженной бракомъ съ нимъ...

[2] Не воображается-ль великій твой отецъ...

Отрекся здѣшнія завидной всѣмъ короны.
Тогда народъ, страшась своихъ возврата бѣдъ,
Слезами орошалъ сего героя слѣдъ.
Въ какія горести весь градъ сей погружался;
Казалося, что часъ послѣдній приближался.
Всему отечеству мой духъ сотрепеталъ,
И съ Рурикомъ весь міръ Рамидинъ погибалъ.
Ты видѣла то все. Селена безпристрастна,[3]
Скажи, когда-бъ тебѣ вселенная подвластна
Съ подобострастіемъ у ногъ твоихъ была,
Иль власти-бъ ты своей ему не отдала?
И міра къ радости, противъ себя правдива,
Подъ властью Рурика ты какъ была-бъ щастлива?

СЕЛЕНА.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, достоинъ власти онъ;
Но если-бъ твой отецъ, которому здѣсь тронъ
Гражданскихъ всякихъ бѣдъ несноснѣе казался,
Противу Рурика къ нещастью ополчался,
Когда-бы, не смотря на плачущую дщерь...

РАМИДА.

Отъ мысли сей мой духъ трепещетъ и теперь!
Увы! коль мнѣ судьба толико будетъ злобна,
Хоть скорби не снесу мученья безподобна,
Колико Рурика я страстно ни люблю,[4]
Умру, но должности моей не преступлю;
И повинуяся родительской я власти,
У ногъ его мои окончу всѣ напасти...
Но нѣтъ! почто, почто мнѣ сердце надрывать
И грудь стенящую слезами обливать?
Чего не можетъ быть—почто мнѣ тѣмъ терзаться

---

[3] Ты видѣла то все. Селена ты безстрастна...
[4] Колико Рурика я смертно ни люблю...

И горестей такихъ мечтаньемъ устрашаться? [5]
Мы лютость отъ себя сихъ мыслей удалимъ,
Не можетъ къ Рурику питать вражду Вадимъ, [6]
Не можетъ... И герой героя обожаетъ.
Твое сомнѣніе обоихъ унижаетъ.
Во славѣ равные, что можетъ ихъ смутить?
Что можетъ къ зависти родителя склонить?..
То свойство гнусное лишь подлыхъ душъ и черныхъ,
Чтобъ зря достоинства на высотахъ безмѣрныхъ
И бывъ безсильными до оныхъ возлетѣть,
Во мрачности своей ихъ блеска не терпѣть.
А истинный герой, упитанъ свѣтомъ славы,
Доволенъ самъ собой, превыше сей отравы.
Но пусть Вадима-бы встревожилъ здѣсь вѣнецъ—
Иль мною Рурику не будетъ онъ отецъ?
Отвергнемъ тщетный страхъ и лютыя толь мысли.
Селена, ты мои отрады всѣ изчисли!
Но какъ возможно ихъ себѣ вообразить!
Скажи, счастливѣе меня кто можетъ быть?
Се Рурикъ шествуетъ! и зракъ его любезный
Являетъ, сколь твои сомнѣнья безполезны.

ЯВЛЕНІЕ 2.

РУРИКЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА. (Провожатые Руриковы).

РУРИКЪ.

На быстрыхъ крыліяхъ ужъ тѣ часы парятъ,
Которы щастіе мое несутъ въ сей градъ;
Въ которы твой отецъ, толь алчно жданный мною,
Во лаврахъ возвращенъ отечеству судьбою,
За всѣ труды меня Рамидой наградитъ
И бракомъ все мое блаженство утвердитъ.
Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,

---

[5] И горестнѣйшимъ толь мечтаньемъ устрашаться...
[6] Не можетъ къ Рурику питати злость Вадимъ...

И сердцемъ моему покорствуя закону,
Превыше вольности мою считаютъ власть:
Велика честь сїя; но мнѣ была-бъ напасть,
Когда-бы ты меня отъ сердца отвергала
И тронъ украсить мой собою не желала.
Однако, пламень мой къ тебѣ каковъ ни лютъ,
Хоть жизнїю не чту я горькихъ тѣхъ минутъ,
Въ которы, удаленъ твоей красы, страдаю,
Я щастливымъ себя еще не почитаю,
Коль равной страстїю Рамида не горя
Мнѣ щастье подаетъ, свою въ немъ должность зря;
И за гражданъ своихъ, въ награду ихъ спасенья,
Хоть малыя себѣ потерпитъ принужденья.
Чтобъ словомъ чувствїе мое изобразить,
Тобой—тебѣ одной хочу я долженъ быть.
Хоть прелести твои моей души питанье,
Хотя, лишась тебя, мнѣ будетъ жизнь страданье,
Но горьку часть сїю той части предпочту,
Чтобъ зря всегда твою въ уныньи красоту,
Встрѣчая съ ужасомъ моей супруги взоры
Всечасно находить смертельны въ нихъ укоры...
Притворства чуждому вѣрь сердцу моему:
Стократъ приятнѣй мнѣ терзаться самому,
Какъ, изъ тоски другихъ извлекши люту радость,
Вкушати свойственну однимъ тиранамъ сладость.
Открой мнѣ чувствїе ты сердца твоего:
Не огорчаю-ли хоть мало тѣмъ его,
Что жизни щастїе въ тебѣ одной включаю,
Что я въ тебѣ себя съ душою сочетаю.

РАМИДА.

Какъ можешь, Государь, ты то вообразить,
Чтобы Рамидинъ духъ умѣлъ себя склонить
Къ притворству низкому, безъ страсти принуждаться
И узамъ тягостнымъ къ мученью предаваться?

И что-бъ, скажи, тому виною быть могло?
Или увѣнчанно короною чело?
Вѣрь мнѣ, когда-бы кто вселенной на престолѣ,
Открывши гордости моей безмѣрно поле,
Вѣнцами безъ числа глазамъ моимъ блисталъ
И за любовь мою власть мїра отдавалъ,
Коль сердцемъ бы его Рамида не избрала,
Она бы скиптры съ нимъ и троны презирала;
А если-бы свою онъ призвалъ въ помочь власть,
Умѣла-бъ смертїю отвергнуть я напасть.
Гражданку здѣшнюю, возросшую въ свободѣ,
Не можетъ устрашить ничто во всей природѣ.[7]
Подвластна лишь богамъ и моему отцу,
Всѣмъ сердцемъ я къ тебѣ стремлюся, не къ вѣнцу.
Ты внемлешь гласъ души безъ лести, безъ искуства;
Къ притворствамъ никакимъ мои несродны чувства;
И если-бъ Рурика любить я не могла,
Я съ откровенностью то равною-бъ рекла,
Какъ и теперь мой духъ прельщенный то вѣщаетъ:
Коль Рурикъ щастье все въ моей любви включаетъ,
Когда зависитъ то отъ сердца моего,
Такъ нѣтъ щастливѣе на свѣтѣ никого.

РУРИКЪ.

О часъ драгой! моей всей жизни драгоцѣннѣй!
Я вѣчно не вкушалъ отрады совершеннѣй;
Внимая сладостнымъ изъ устъ твоимъ словамъ,
Завистна кажется моя судьба богамъ.
Увѣренъ, восхищенъ признаньемъ вожделѣннымъ,
Я съ сердцемъ, новою днесь жизнью укрѣпленнымъ,
Иду, куда меня правленья долгъ зоветъ:
Въ немъ Рурикъ бремени ужъ больше не найдетъ;
И сколь ни тягостны несмѣтны попеченья,

---

[7] Не можетъ удивитъ ничто во всей природѣ.

Труды, прискорбія, душевны огорченья,
Которых требует Монархов тяжка власть,
Мнѣ будет щастіем и самая напасть;
Хоть Рурик жизнь свою за твой народ утратит,
За все единый взор Рамиды мнѣ заплатит.

(Уходит).

ЯВЛЕНІЕ 3.

ВАДИМЪ (сокрытъ въ одеждѣ простаго воина), РАМИДА, СЕЛЕНА.

ВАДИМЪ (въ отдаленіи не видя Рамиды).

Ужасная мое пронзила сердце вѣсть!
О дочь жестокая! Как то Вадиму снесть!
Рамида к Рурику любовію пылает...
Уже послѣдняго меня тиран лишает...
Но се она....

РАМИДА.

Тебя-ль я зрю, родитель мой?
Герой! позволь в твоих объятіях....

ВАДИМЪ (отвергая ее).

Постой!

РАМИДА.

Что вижу?... Ты моим восторгам отвѣчаешь
Презрѣньем!... Или дочь свою пренебрегаешь?
Украшен лаврами ее не познаешь
И в жертву гордости природу отдаешь?

ВАДИМЪ.

Несчастна! Если-б я тебя возненавидѣл,
Я с равнодушіем восторг-бы твой увидѣл
И, ласки восприяв, тебя-бы не отверг.

Но—о нещастія неизмѣрима верьхъ!—
Воззри, и по сему познай прискорбну виду:
Гнушаясь не могу я не любить Рамиду.

РАМИДА.

Ахъ, каждая твоя ужаснѣйшая рѣчь,
Вонзаясь въ сердце мнѣ, разитъ какъ острый мечь.
Чѣмъ винна я, скажи возлюбленный родитель?
Что духъ терзаетъ твой, герой и побѣдитель?
Открой мнѣ, плачущей родителя у ногъ,
За что, лиша тебя, мой рокъ мнѣ столько строгъ?
Чтобъ сердцемъ ты опять къ Рамидѣ обратился,
Что дѣлать мнѣ, скажи?... Твой болѣ зракъ смутился!
Гласи, повелѣвай—за отческу любовь,
Мнѣ должно-ли въ сей часъ пролить мою всю кровь?
Пролей! она твоя! возьми твой даръ обратно!

ВАДИМЪ.

Гласъ должности твоей какъ слышать мнѣ приятно!
Я, чувствъ родительскихъ къ тебѣ не изтребя,
Не жизни требую, но чести отъ тебя.

РАМИДА.

Что слышу?... Или дочь свою подозрѣваешь?...
Ты чести требуешь—или меня не знаешь?

ВАДИМЪ.

Не знаю.... Ты сама теперь въ себя вошедъ
Отрады полный мнѣ дать можешь-ли отвѣтъ:
Что чести въ правилахъ Вадима непремѣнна,
Ты та же дочь моя, любезна и безцѣнна?
Блистая прелестью открытой красоты, [8]
Рамиду прежнюю найдешь-ли въ сердцѣ ты?

---

[8] Блистая, какъ всегда заразой красоты...

РАМИДА.

Меня вопросами, какъ громомъ изумляешь!
Ты судію въ себѣ, а не отца являешь...
Богами и тобой самимъ я въ томъ клянусь,
Что та-жъ Рамида я, что вѣкъ не премѣнюсь;
Что дочь достойная Вадима, но нещастна;
Что чести правиламъ его всегда подвластна;
Что паче я всего родителя люблю;
Что я, не знавъ вины, ужасну казнь терплю.
Открой преступокъ мой!

ВАДИМЪ.

Ты страстію пылаешь
Къ носящу здѣсь вѣнецъ,—и ты вины не знаешь!..
Быть можетъ, клевета Рамиду тѣмъ мрачитъ.
Разруши вѣсть сію, чѣмъ городъ сей звучитъ....
Ахъ, ежели меня не истинна сразила;
Коль чувствія мои Рамида сохранила;
Коль врагъ мой—врагъ тебѣ въ сіяніи вѣнца,
Дерзай, любезна дочь, въ объятія отца!..
Нещастна! плачешь ты, и грудь твоя томится!..
Мое безславіе мнѣ ясно становится!

РАМИДА.

Когда порокъ—любить спасителя гражданъ,
Который отъ боговъ къ отрадѣ смертнымъ данъ;
Который, прекратя общественные стоны,
Отрекся здѣсь ему представленной короны;
Который, умоленъ народа токомъ слезъ,
Небесны благости съ собой на тронъ вознесъ;
Который, какъ отца, Вадима ожидаетъ:
Виновною себя Рамида почитаетъ!
Достойна казни я. Вотъ грудь моя, пронзай!
Имъ сердце плѣнное на части растерзай.

Теряя съ нимъ я все, и небеса и землю,
Ударъ смертельный твой за даръ драгой приемлю.

ВАДИМЪ.

Обрушься на меня, небесъ пресвѣтлыхъ твердь!
Ты просишь смерти?—ты вкусить достойна смерть!
Злодѣйскимъ пламенемъ и пагубнымъ пылая,
Отцеубійца ты, меня во гробъ вселяя;
Измѣнница! твое отечество предавъ,
И вольность согражданъ, и святость нашихъ правъ!
О ты, сообщница коварнаго тирана,
Которымъ съ кротостью дана намъ смертна рана!
Поди къ нему, поди, скажи: здѣсь твой отецъ,
Что хочетъ онъ сорвать съ главы его вѣнецъ.
Да придетъ онъ свое предупредить паденье,
И сердце мнѣ пронзя, скончать мое мученье.
Поди, и мечь направь злодѣя моего
На грудь родителя нещастна твоего:
И смертію отца препонъ освобожденна,
Взойди на тронъ, моей ты кровью обагренна!

РАМИДА.

Постой, родитель мой! ахъ, сжалься надо мной!
Твои укоры, видъ толико грозный твой,
Твой гнѣвъ—то болѣе мнѣ смерти страхъ наноситъ,
Которой у тебя дочь бѣдна тщетно проситъ...
Познай, родитель мой, познай въ сей часъ меня:
Тебя достойна я, хоть мучуся стеня...
Сей нѣжный огнь любви, мнѣ толь приятный прежде,
Заслугой Рурика обманута въ надеждѣ,
Сей огнь, которымъ я питала жизнь мою,
Смертельно мучима, зря ненависть твою,
Сей лютый огнь—кляну и въ немъ порокъ мой вижу,
И сердце слабое, терзаясь, ненавижу

За то, что я, стремясь въ немъ пламень потушить,
Съ симъ пламенемъ должна и жизни свѣтъ гасить...
Оставь мнѣ то, оставь, что сердце открывая,
Кажу его, тебя лишь болѣ прогнѣвляя;
Я искренностїю родителю должна
И помощь въ горести несносной мнѣ нужна.
Отца я въ нѣдра грусть смертельну проливаю,
Родителя къ моей отрадѣ призываю...
Отеческимъ воззри ты окомъ на меня
И пожалѣй о мнѣ, нещастную виня.
Жалѣй—превозмогусь, явлюсь тебя достойна,
И волю соверша твою, умру спокойна.
Повелѣвай! меня послушну будешь зрѣть.

ВАДИМЪ.

Достойна ты меня, а хочешь умереть!
Кто? Ты? Вадима дочь, и дочь свободна града!
Превозмогись, живи и будь моя отрада.
Клянись покорствовать во всемъ твоей судьбѣ.

РАМИДА.

Клянусь!... Чѣмъ быть могу подобна я тебѣ?

ВАДИМЪ.

Изъ сердца изтребя жаръ гнусныя отравы,
Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
Къ тирану въ ненависть любовь преобратить.

РАМИДА.

Клянусь... хоть не могу сего я совершить...
Клянусь... коль должно мнѣ... всечасно умирая,
Не зрѣть его во вѣкъ, иль видѣть отвергая.

ВАДИМЪ.

Клянись—чтобъ могъ я дочь мою во всемъ познать
И мiру безъ стыда Рамиду показать—
Клянись, что одолѣвъ душъ рабскихъ страстну муку,
Изъ нашихъ согражданъ тому отдать ты руку,
За вольность общества кто паче всѣхъ герой
Покажетъ, что владѣть достоинъ онъ тобой.
Клянись, наградой быть тирана за паденье.

РАМИДА.

Чего ты требуешь! увы! сiе мученье
Превыше силъ моихъ! иль мало жертвы той...

ВАДИМЪ.

Поди отъ глазъ моихъ, исчезни предо мной!
Быть дочерью моей я способъ предлагаю;
А ты... Нѣтъ! ты не дочь, и я тебя не знаю!
Храня любовь отца, я только что крушусь.

РАМИДА.

Постой, родитель мой! я все свершить клянусь!
Коль мало лютыхъ мукъ, которы предприемлю,
Ты вымысли еще...

ВАДИМЪ.

Я дочь мою объемлю!
Не плачь, умѣрь тоску, что грудь твою тѣснитъ!
Что̀ можетъ насъ терзать, коль слава предстоитъ?
(Увидя Пренеста)
Пренестъ, отечества къ спасенью есть-ли виды?
Ужель достоинъ ты руки моей Рамиды?

ЯВЛЕНІЕ 4.

ВАДИМЪ, РАМИДА, ПРЕНЕСТЪ.

ПРЕНЕСТЪ.

Всѣ чувства устремя тебѣ подобнымъ быть
И, обществу служа, Рамиду заслужить,
Лишь только ты меня, спѣша за градъ, оставилъ,
Тотчасъ мои стопы къ вельможамъ я направилъ,
Которыхъ гордый духъ противъ вѣнца роптал
И гнѣва молнію въ молчаніи питалъ.
Собравъ ихъ, я имъ рекъ: «Се часъ тотъ наступаетъ
Въ который небо намъ судьбу гражданъ вручаетъ;
Въ который городъ нашъ, сей прежде царь царей,
Сіе питалище великихъ толь мужей,
Съ свободой своего сіянія лишенный,
Подъ игомъ скипетра позорно удрученный,
Возможетъ вознестись на высоту опять,
Чтобъ Сѣверу всему законы подавать.
Уже извнѣ на тронъ направлены удары:
Ужъ съ воинствомъ Вадимъ принесъ тиранству кары.
Коль также, какъ ему, противенъ вамъ вѣнецъ,
Паденья своего не избѣжитъ гордецъ,
Который, намъ дая вкушать соты коварства,
Насъ клонитъ къ горести самодержавна царства.
Великодушенъ, днесь, онъ кротокъ, справедливъ,
Но укрѣпя свой тронъ, безъ страха горделивъ,
Коль чтитъ законы днесь, во всемъ равняясь съ нами,
Законы послѣ всѣ и насъ попретъ ногами!
Проникнувъ въ будуще вы мудростью своей,
Не усыпляйтеся блаженствомъ власти сей:
Что въ томъ, что Рурикъ сей героемъ быть родился,
Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ—
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ?
Самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель,

Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель
И, невозбранные пути открывъ страстямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ.
Воззрите на владыкъ вы разныхъ царствъ и вѣковъ,
Ихъ власть—есть властъ боговъ, а слабость—человѣ-
ковъ!»

Потомъ, чтобъ яростны противъ лучей вѣнца
И паче раздражить ихъ гордыя сердца,
Изобразилъ я имъ народовъ страшны бѣдства;
Тѣ самовластія плачевны, люты слѣдства,
Вокругъ котораго съ кадильницею лесть,
Безстудно принося богамъ пристойну честь,
Преступниковъ въ вѣнцахъ съ безсмертными равняетъ
И кровью подданныхъ на тронахъ упояетъ.
Гнѣвъ болѣ пламеня моихъ чертами словъ,
«Представьте, я сказалъ, вы смертныхъ сихъ боговъ,
Въ надменности свою закономъ чтущихъ волю,
По гнуснымъ прихотямъ влекущихъ нашу долю
И первенство дая рабамъ своихъ страстей,
Предъ ними тотъ великъ—кто паче всѣхъ злодѣй.
Дождемся-ли и мы такой ужасной части,
Когда властитель нашъ, въ своей спокоенъ власти,
Личину хитрости съ надмѣнна снявъ лица, [9]
Явитъ чудовище подъ блесками вѣнца?
Всечасно окруженъ свирѣпостью и страхомъ,
Подножья своего щитать насъ будетъ прахомъ;
И присвояя плодъ трудовъ несмѣтныхъ лѣтъ,
Отниметъ все у насъ—и даже солнца свѣтъ,
Чтобъ подлость наградить своихъ льстецовъ прегнус-
ныхъ.
Ужъ есть событіе такихъ предвѣстій грустныхъ;
Его Варягами наполненъ весь нашъ градъ;
Ужъ съ нами становя своихъ рабовъ онъ въ рядъ,

---

[9] Личину хитрости со горда снявъ лица...

Остатки вольности и нашихъ правъ отъемлетъ;
А вашъ великій духъ на краѣ бездны дремлетъ!
Проснитеся!» — и вдругъ раздался всюду гласъ:
Корону, скипетръ прочь! Тирану смерть сейчасъ! [10]
Ихъ рвенье описать я сколько-бъ ни старался,
Какъ мракъ предъ пламенемъ глаголъ-бы мой казался.
И какъ изобразить движенье сихъ мужей,
Сихъ ненавистниковъ и рабства и Царей;
Ихъ слезы на очахъ отъ гнѣва и позора,
Летящи молніи отъ яростнаго взора,
Багряность мрачныхъ лицъ, сей образъ грозныхъ тучь,
Изъ коихъ вольности блисталъ надежный лучь
И неминуемо тираново паденіе.
Въ послѣдокъ, премѣня свой гнывъ во изступленье,
Забывъ опасности и все исторгнувъ мечь,
Стремятся тотъ-же часъ злодѣя дни пресѣчь!
«Друзья, сказалъ я имъ, безвременно геройство
Отъемля плодъ, не есть сердецъ великихъ свойство
Что въ томъ, коль вашу днесь погибель вы презрѣвъ.
Повергнете себя въ разверзтый смерти зѣвъ?
Не крови вашея отечество желаетъ:
Оно отъ вашихъ рукъ спасенья ожидаетъ.
Великимъ толь дѣламъ намъ должно дать созрѣть;
Въ грядущу ночь у стѣнъ Вадима будемъ зрѣть;
Въ грядущу ночь врата отворимъ мы Герою,
А съ нимъ ведущему свободу нашу строю».
По семъ, какъ вихрями смущенна бездна водъ,
Стремленью ярости почувствовавъ оплотъ,
Стѣсненная кипитъ, реветъ и тщетно рвется,
Таковъ героевъ сонмъ во гнѣвѣ остается
И проситъ солнце путь свой ясный сократить,
Чтобъ мракъ привелъ тотъ часъ, въ который имъ разить.

(При сихъ словахъ выходитъ Вигоръ).

---

[10] «Проснитесь!..» Вдругъ ихъ вопль остановилъ мой гласъ:
Идемъ пронзити грудь тирану сей же часъ.

ВАДИМЪ.

Сего я ожидалъ, героевъ нашихъ зная
И добродѣтели Пренеста почитая. (Указывая на дочь)
Се воздаянїе, вѣнецъ трудовъ твоихъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Судьба моя теперь въ ея устахъ драгихъ,
Не смѣю щастливымъ дотолѣ я назваться.

РАМИДА.

Мой долгъ родителю во всемъ повиноваться. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 5.

ВАДИМЪ, ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

ВИГОРЪ (въ сторону).

Что слышу? Вѣрить-ли мнѣ чувствїямъ моимъ?...
(Къ Вадиму).
Смятенно воинство отсутствїемъ твоимъ...

ВАДИМЪ.

Иду. (Къ Пренесту) Свершай все такъ, какъ начато тобою!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ВИГОРЪ (одинъ).

Итакъ я былъ, о рокъ, коварства ихъ игрою!
Спасенью общества назначенна цѣна—
Пренесту, а не мнѣ, Рамида отдана.
Что сдѣлалъ сей Пренестъ? Вадимъ, какая слава,
Какой успѣхъ ему даетъ отмѣнны права?
Почто тобою такъ я люто пораженъ?
Но тщетно быть Вигоръ не можетъ униженъ,
И если должно мнѣ лишиться въ вѣкъ Рамиды...
Возтрепещи, творя толь смертны мнѣ обиды!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РАМИДА И СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Горчайшихъ слезъ твоихъ потоки осуши,
Не погружай твоей въ отчаянье души.

РАМИДА.

Селена, все мое почувствуй ты терзанье!
О доля лютая! о страшно состоянье!
О долгъ, долгъ варварскій! мнѣ должно жизнь хранить
И не для Рурика, а для инова жить.
Мнѣ должно, какъ врага, того возненавидѣть,
Въ комъ духъ плѣненный мой привыкъ блаженство видѣть...
Его всечасно зрѣть, его любви внимать,
Взаимной нѣжностью за нѣжность воздавать,
Въ томъ находила я, надеждой ослѣпленна,
Чего не можетъ мнѣ отдать и вся вселенна...
Возлюбленный! въ сей день предвидѣть я могла-ль,
Что въ смертной горести на сердцѣ скрывъ печаль,
Которая во вѣкъ не можетъ окончаться, [1]
И зрѣть тебя должна я буду ужасаться;
Что душу зря мою въ тебѣ,—о грозный рокъ!—
Нѣжнѣйшу страсть должна считать я за порокъ,
И что,—о верьхъ злыхъ мукъ, неслыханныхъ и въ адѣ!—
Злодѣйству мздою ставъ въ неблагодарномъ градѣ,
Должна, о страхъ, я съ тѣмъ себя соединить,
Кто мечь свой долженъ въ грудь дражайшую вонзить!...

[1] Что я, смертельную во сердцѣ скрывъ печаль,
Которо безъ тебя не можетъ утѣшаться...

Одна отрада смертъ въ несносномъ толь мученьѣ;
Но отнято и то нещастныхъ утѣшенье;
Пристанища сего лишаетъ рокъ меня;
Нельзя и умереть, отцу не измѣня...[2]
Селена! ты меня отверженную, сиру,
И не привязанну ничѣмъ ужъ болѣ къ міру,
Подъ игомъ должности ліющу токи слезъ,
Оставленну отцемъ, забыту отъ небесъ,
Не оставляй въ сіи жестокія минуты!
Когда и смертные ко мнѣ и боги люты,
Во дружбѣ лишь твоей отрада вся моя.
Не долго отягчать Селену стану я;
Не долго!... И души я въ Рурикѣ лишенна,
Уже вкушаю смерть съ собою разлученна.

СЕЛЕНА.

На дружбу ты мою надежду возлагай;
Исполнитъ все она, лишь только пожелай.
Мнѣ должно-ль, Рурику открывъ твое мученье
И твоего отца коварно ополченье,
Открыть сей заговоръ и всѣ опасности его? [3]

РАМИДА.

Желаю смерти я, и болѣ ничево!
Ты хочешь, чтобы я, дочь люта и порочна,
Страдая отъ того, что страсть моя безпрочна,
Противъ родителя измѣной воружась,
Отраду обрѣла, къ злодѣйству преклонясь.
Нѣтъ! надъ собой не дамъ я року столько власти;
Умру въ мученіяхъ, не заслужа напасти.
Я не безчестія отъ дружества ищу,
Той помощи одной, Селена, я хощу,
Чтобъ стоны ты мои смертельны воспримала;

[2] Умрети не могу, отцу не измѣня.
[3] Явити всѣ ему опасности его.

Чтобъ состраданїемъ мученья облегчала,
И чтобъ, какъ смерть прерветъ нещастну жизнь сїю,
Явила-бъ Рурику невинность ты мою.

СЕЛЕНА.

Се, Рурикъ шествуетъ!

РАМИДА.

Мой духъ изнемогаетъ...
Сокроемся!

ЯВЛЕНЇЕ 2.

РАМИДА, СЕЛЕНА, РУРИКЪ и ИЗВЕДЪ.

Меня Рамида убѣгаетъ!
То зря, повѣрить я могу-ль моимъ глазамъ?
Когда касаюся тѣмъ радостнымъ часамъ,
Въ которы принесетъ отецъ твой въ здѣшни стѣны
Блаженство все мое,—какїя зрю премѣны?...
Ты отвращаешь взоръ, трепещуща, блѣдна!..
Ты знаешь, щастье все мое лишь ты одна...
Или ты быть могла противъ меня коварна?...
Спасенье твоего народа благодарна,
Другъ вѣрный общества, герой нашъ, твой отецъ,
Все то, что свято намъ, и боги наконецъ
Могли-бъ способствовать моей любви обѣтамъ;
Но сердце не стремилъ къ священнымъ толь предмѣтамъ
То было-бы ничто безъ сердца твоего...
Дражайшихъ слово устъ превыше мнѣ всего;
Симъ словомъ отъ тебя я въ щастїи увѣренъ,
Считалъ увѣнчаннымъ мой жаръ къ тебѣ безмѣренъ,
И зная, что въ сей день отецъ твой внидетъ въ градъ,
Для ускоренїя души моей отрадъ
Ко брачну торжеству ужъ все теперь готово.
Ты повтори еще дражайшее то слово,

Съ которымъ такъ въ сей часъ несходенъ сталъ твой зракъ,
Преобращая мнѣ свѣтъ солнца въ смертный мракъ;
Ты любишь-ли меня, какъ прежде увѣряла?...
Иль чтобъ лютѣй сразить, надежду подавала?

РАМИДА.

Оставь къ нещастїю рожденную на свѣтъ,
Будь щастливъ безъ меня, инова средства нѣтъ.

РУРИКЪ.

Что слышу? щастливымъ мнѣ быть повелѣваешь,
А сердце изъ меня, жестока! исторгаешь.
Могу-ли безъ тебя я душу ощущать?
Тебя лишеннаго чѣмъ можетъ свѣтъ прельщать?
Рамиду потерявъ, что наградитъ утрату?
За нѣжность всю мою готовишь гробъ въ отплату!

РАМИДА.

Коль дочь Вадимова, стеняща и слаба,
Возможетъ, мучася, не быть страстей раба:
Такой какъ ты герой, давъ счастїе народу,
Удобенъ возвратить души своей свободу.

РУРИКЪ.

Какой ужаснѣйшїй изъ устъ драгихъ совѣтъ;
Рѣчь каждая твоя, какъ буря, духъ мятетъ;
Колеблются въ глазахъ померкшихъ здѣшни стѣны;
Постигнуть не могу внезапной сей премѣны... [4]
О страшна мысль! иной тебя возмогъ тронуть?
Свершай свирѣпости, пронзая вѣрну грудь!

---

[4] Колеблются въ глазахъ затмѣнныхъ здѣшни стѣны,
Поняти не могу незапной толь премѣны.

РАМИДА.

О, мысль смертельная! сему ты можешь вѣрить,
Что можетъ предъ тобой Рамида лицемѣрить,
Что можетъ свѣтъ сносить и жить не для тебя?...
Ахъ, что я дѣлаю?... Разсудокъ погубя,
Стремлю смятенный духъ въ сладчайше изступленье.
Все то, что льстило мнѣ, все стало преступленье.
Могу-ль я то сказать?.. о рокъ, о грозный рокъ!...
Мнѣ даже зрѣть тебя ужаснѣйшій порокъ!

(Уходитъ съ Селеною).

ЯВЛЕНІЕ 3.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ.

Скрывается! А я, какъ небомъ пораженный,
Недвижимъ, громовымъ ударомъ изумленный,
Въ окаменѣніи, всѣ чувства истребя,
Не вижу ничего, не помню самъ себя.
Рамида-ль здѣсь была? Она-ли мнѣ вѣщала?
Иль злѣйшая мечта во снѣ мой духъ смущала?
Рамида то была: все было на яву;
А тщетно изъ ея оковъ я сердце рву.

ИЗВЕДЪ.

Отвергни страсть, тебя котора унижаетъ,
Тебя, котораго весь Новградъ обожаетъ,
Которому за трудъ—безсмертна слава мзда!
Не допусти себя унизить до стыда,
Чтобъ для совмѣстника и мрачна и презрѣнна
Рамидою себя узрѣть отриновенна.

РУРИКЪ.

Могу-ль я сей ударъ смертельный перенесть.
Иль можетъ до того ея гнусна быть лесть,

Чтобы, закрывъ себя ко мнѣ нѣжнѣйшей страстью,
Ругаться надъ моей священнѣйшею властью,
И чтобы гордости того меня предать,
Не стоитъ, можетъ быть, кто и на свѣтъ взирать!
Искореню любви изъ сердца всю отраву.
Мнѣ должно сохранить приобрѣтенну славу,
И не любовникомъ—Монархомъ здѣсь пребыть,
И даже имя сей Рамиды позабыть;
Мнѣ должно одолѣть толь гнусное терзанье...
Но, ахъ! почто-жъ сей стонъ, сей плачъ и воздыханье?
Прерванны рѣчи тѣ и то смятенье словъ?
Что значитъ это все, когда бы не любовь? [5]
Есть тайна нѣкая, что сердце ей снѣдаетъ;
А тайны сей со мной она не раздѣляетъ.

(Къ Изведу).

Окончи смерть мою, ударъ свой доверши!
Остатка моея лишай меня души!
Надежду всю мою отъемли ты, жестокій!
И ядомъ наполняй тѣ раны преглубоки,
Которы къ горести Рамидой мнѣ даны!
Кто дерзкій врагъ, кѣмъ дни мои отравлены?
Кто сердце у меня Рамиды похищаетъ?

ИЗВЕДЪ.

Когда властитель мой мнѣ то повелѣваетъ,
Открыть я долженъ...

РУРИКЪ.

Нѣтъ! Я вѣдать не хощу;
Я самъ себя страшусь; восторговъ трепещу,
Которы возмутя мой духъ, ослабшій въ страсти,
Подвигнутъ къ низостямъ, позорнымъ Царской власти,

---

[5] Почто бы все сіе, когда бы не любовь.

И устремивъ меня отмщать подвластну мнѣ,
Представятъ Рурика тираномъ въ сей странѣ.
Коль должно мучиться—страдать одинъ я стану;
Но скрывъ отъ глазъ мою смертельну въ сердцѣ рану,
Моимъ губителямъ я не подамъ отрадъ,
Чтобъ мной спасенъ—меня возненавидѣлъ градъ.
Всечасно самому себѣ пребывъ я равенъ,
Хотя нещастенъ я, въ потомствѣ буду славенъ[8];
И благостями скрывъ стенящую любовь,
Коль подлыя сердца презрѣнныхъ мной враговъ
Удобны мукою моею утѣшаться,
Съ ихъ подлостью твой князь не хочетъ уравняться.

ИЗВЕДЪ.

Се мысль, достойная возвышенныхъ на тронъ.
Возможетъ кто своимъ давать страстямъ законъ,
Кто сердце средь ихъ волнъ, какъ камень, утверждаетъ,
Тотъ смертными одинъ достойно обладаетъ!
Одинъ достоинъ онъ безсмертныхъ представлять,
И ихъ владычество въ порфирѣ раздѣлять.

(При сихъ словахъ вдали показывается Пренестъ).

Увѣренъ, что твой духъ, въ волненіи спокоинъ,
Не будетъ твоего величья недостоинъ,
Чтобъ сердце страстно могъ ты легче изцѣлить,
Я долженъ низкаго совмѣстника открыть. (Указывая на Пренеста)
Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія Царева!
Спасителя сихъ странъ достоинъ-ли онъ гнѣва?

РУРИКЪ.

Пренестъ!.. О небеса, скрѣпите вы мой духъ!

---

[8] Хотя нещастенъ я, остануся въ вѣкъ славенъ.

ИЗВЕДЪ.

По граду носится о томъ повсюду слухъ,
Что съ сердцемъ отдаетъ ему Рамида руку.

РУРИКЪ.

Мнѣ должно подтвердить мою несносну муку!

ЯВЛЕНІЕ 4.

РУРИКЪ, ПРЕНЕСТЪ, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ (Пренесту).

Приближься ты ко мнѣ, щастливый гражданинъ!
Хоть къ страху множество имѣешь ты причинъ,
Хоть долженъ предъ твоимъ владыкой содрагаться,
Но ты безъ трепета возможешь мнѣ признаться.
Вѣщай безъ ужаса.

ПРЕНЕСТЪ (въ сторону).

Открылось все теперь! (Къ Рурику).
Порывы гордости властителя умѣрь!
Могу-ль твоею быть я злобой востревоженъ?—
Кому не страшна смерть, предъ тѣмъ твой скиптръ ничтоженъ!

РУРИКЪ.

По чувствамъ ты твоимъ судя и о моихъ,
Ужъ казни смертныя ты мыслишь видѣть въ нихъ.
Когда-бъ владѣлъ Пренестъ—къ тому-бъ онъ былъ удобенъ;
Но Рурикъ можетъ-ли Пренесту быть подобенъ?
Напрасно ты на смерть готовишься дерзать
И скипетръ тщетно мой ты смѣешь презирать!
Ты съ горделивостью твою вину являешь,
Чтобъ раздражить меня—но ты не раздражаешь;
Ко гнѣву на тебя я скиптръ не преклоню

И, страсти слѣдуя, себѣ не измѣню.
Спокоинъ предъ тобой, что ты мой врагъ, я знаю—
И зная все, тебя съ Рамидой презираю.

ПРЕНЕСТЪ.

Коль есть толь низкія среди гражданъ сердца,
Которы, ослѣпясь блистаніемъ вѣнца,
Вкругъ трона ползая, корыстью уловленны,
Открыли подвиги Героевъ сокровенны
И продали тебѣ Отечество и честь,
Не думай, чтобы я, употребя здѣсь лесть,
Въ изгибахъ гнусной лжи сталъ подло пресмыкаться,[9]
И что я врагъ тебѣ, отъ чести отрицаться:
Славнѣй за общество съ Вадимомъ умереть,
Какъ ради милостей твоихъ свѣтъ солнца зрѣть!

РУРИКЪ (въ сторону).

Что слышу! люта вѣсть!

ПРЕНЕСТЪ.

Твой тронъ стоитъ надъ бездной!...
Отмщай, коль хочешь ты, мнѣ казнью безполезной;
Но знай, когда себя желаешь сохранить,
Карай весь градъ, чтобъ всѣхъ Героевъ изтребить[10]:
Владѣй надъ мертвыми—или сойди со трона.

РУРИКЪ.

Твои угрозы мнѣ не могутъ быть препона
Ко щастью вашего народа обладать.
На то-ль я спасъ сей Градъ, чтобы его предать
Вельможамъ-гордецамъ, мятежнымъ и крамольнымъ,

---

[9] Не думай чтобы я, закрывся въ робку лесть,
Въ изгибахъ гнусной лжи возмогъ бы пресмыкаться.
[10] Сражай весь градъ, чтобъ всѣхъ героевъ изтребить.

Тѣмъ только властїю моею недовольнымъ,
Что ихъ я обуздалъ народу зло творить
И въ мнимой вольности свое тиранство крыть?
Вы скиптръ мнѣ дали здѣсь къ скончанїю напасти
И скипетръ сей отнять не въ вашей болѣ власти.
На добродѣтели престолъ мой утвержденъ;
Зрю ясно я, что онъ богами покровенъ:
Они, твой духъ въ сей часъ повергнувъ въ заблужденье,
Сокрыто отъ меня явили преступленье;
И самъ ты измѣнилъ сообщникамъ твоимъ;
Да вострепещутъ всѣ, и даже самъ Вадимъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПРЕНЕСТЪ (одинъ).

Что сдѣлалъ я? Его вопросами смятенный,
Далъ видѣть на него Вадимовъ мечь взнесенный,
И на составленный Героевъ заговоръ
Я просвѣтилъ его покрытый мракомъ взоръ!
Горя любовїю къ Рамидѣ онъ прелестной,
Онъ только зналъ, что я... Но кто-же тотъ безчестной,
Который могъ открыть?... Вигоръ совмѣстникъ мой,
Онъ мукой ревности тѣснимъ ядъ пролилъ свой,
И вѣдая ко мнѣ Вадима предпочтенье,
Путемъ коварствъ однихъ стремился на отмщенье.
Се онъ...

ЯВЛЕНІЕ 6.

ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

ПРЕНЕСТЪ.

Скажи, кто могъ Тирану то внушить,
Что возмогу его Рамиды я лишить?
Не ты-ль, ея отца познавъ ко мнѣ пристрастье,

Повергъ его, меня и общество въ нещастье,
И ревностью твоей...

ВИГОРЪ.

Не я.

ПРЕНЕСТЪ.

Въ сердцахъ у насъ
Священна тайна та отъ протчихъ скрыта глазъ.
Могу-ли обратить сомнѣнье на инова.
И чѣмъ увѣришь ты?

ВИГОРЪ.

Не я. Сего довольно слова
Ко оправданїю всей чести моея.
Россїянинъ—таковъ какъ ты, таковъ какъ я—
Коль слово изречетъ, должны и боги вѣрить!
Едины рабы удобны лицемѣрить.
Въ сомнѣнїи твоемъ прощаю я тебя:
Ты мысля, что я подлъ, унизилъ самъ себя.
Хотя въ тебѣ врага щастлива ненавижу,
Но подлостью себя во гнѣвѣ не унижу [11],
Дабы совмѣстника щастлива истребить.
Такъ много я себя не возмогу забыть,
Чтобъ, уклоня мой духъ ко гнусну наущенью,
Черезъ Тирана злость достигнуть къ отомщенью,
И пресмыкаяся толь мерзко, какъ змїя,
Не скрою ненависть мою цвѣтами я.
Тобой лишаяся Рамиды, смертно стражду;
Я врагъ тебѣ, и кровь твою пролить я жажду;
Но насъ Отечество его спасти зоветъ—
И вотъ, Пренестъ, теперь единый мой предметъ!
Одинъ Тиранъ мое отмщенье привлекаетъ,

---

[11] Но подлостью себя во гнѣвѣ не о б и ж у.

Мою напасть—напасть народа превышаетъ [12].
Но послѣ, какъ здѣсь тронъ—свободы нашей страхъ—
Низверженъ, сокрушенъ, преобратится въ прахъ,
Когда отрадныя лучь вольности проглянетъ,
Тогда Вигоръ тебѣ твоимъ врагомъ предстанетъ
И житъ кому изъ насъ—оружїе рѣшитъ! (Уходитъ).

ПРЕНЕСТЪ.

Стремленье грозно толь меня не устрашитъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВIЯ.

---

[12] Мою напасть, напастъ народа помрачаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

ИЗВЕДЪ.

Злодѣйски умыслы ужъ всѣ теперь открыты
И видны вкругъ тебя всѣ пропасти изрыты.
Хоть гордый сей Пренестъ изъ градскихъ стѣнъ изчезъ
И таинство съ собой злодѣйствія унесъ;
Но мной уловлены здѣсь воины Вадима.
Толпа злодѣевъ сихъ, подъ стражею хранима,
Призналася во всемъ, открыла лютый ножъ,
Который ненависть готовила вельможъ
На грудь спасителя сего мятежна града.
Исполненныхъ къ тебѣ свирѣпѣйшаго яда
Я знаю имена...

РУРИКЪ.

Я знать ихъ не хощу!
Не зря измѣнниковъ, измѣну отвращу.
Что нужды вѣдать мнѣ, кто гнусенъ предо мною:
Которою ихъ спасъ—спасусь я той рукою;
Какъ началъ, шествуя всегда путемъ прямымъ,
Народу покажу, кто я, и кто Вадимъ!
Знать всѣхъ предателей,—то робости признаки.
Да скроютъ подлость ихъ забвенья вѣчны мраки;
Презрѣнны мной, во мглѣ преступка своего,
Неудостоенны и гнѣва моего,
Незримы въ гордости, котору восприяли,
Да упадутъ во прахъ, отколь главу подъяли!
Коль боги поразятъ Вадима сей рукой,
Изчезнутъ всѣ, сихъ странъ смущающи покой!...
Поди и уготовь моихъ Варяговъ къ брани;
Пойдемъ, подъ сѣнію боговъ безсмертной длани,
Не тронъ мой—истинну святую защищать...

О вы, могущїе всечасно проницать
Сквозь завѣсу притворствъ сердецъ въ изгибы темны;
О вы, которыми и пропасти подземны
Толь ясно видимы какъ свѣтлы небеса;
На духъ мой обратя всезрящи очеса [1],
Узрите, боги, какъ я сердце разрываю,
Что кровь Гражданъ пролить по долгу приступаю.

(Къ Изведу).

Свободу воинамъ Вадима возврати;
Моей щедротою за злобу заплати;
Чтобы, представъ предъ нимъ, явили то Герою,
Что дружбы я его, не злости гнусной стою;
Но не страшась его стремлюся отразить
Ударъ, которымъ мнѣ дерзаетъ онъ грозить.

ИЗВЕДЪ.

Щедрота ко врагамъ ихъ гордость воздымаетъ;
Великодушїе намъ бѣдственно бываетъ...
И стоитъ-ли Вадимъ почтенья твоего?

РУРИКЪ.

Когда не стоитъ онъ, достоинъ я того.
Новградцамъ, въ гордости своей жестокосердымъ,
Симъ вредной вольности защитникамъ толь твердымъ,
Могу я показать примѣромъ чувствъ моихъ,
Что добродѣтель есть стократъ превыше ихъ.
Поди и кротости моей исполни волю.
Я правъ—и небесамъ мою вручаю долю!
Они защита мнѣ, надежда и покровъ.
Поди...

ИЗВЕДЪ (отходя).

Кто можетъ такъ щадить своихъ враговъ! [2]

---

[1] На духъ мой обратя вы ваши очеса...
[2] Этихъ двухъ стиховъ въ изданїи 1793 года нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

РУРИКЪ (одинъ).

Надъ пропастями здѣсь мой тронъ постановленъ;
За благости мои я злобой окруженъ,
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участь всѣхъ владыкъ, свой долгъ хранящихъ свято [3].
Всечасно мучася, отрады не видать.
Не стоютъ смертные, чтобъ ими обладать;
Благотворителямъ содѣтели мученья—
Не стоютъ никогда они благотворенья!...
Стыдися мысли сей, возвышенный на тронъ!
Когда властители въ сіяніи коронъ
Величія боговъ подобіе не ложно,
Сравняться должно имъ и духомъ непреложно.
Хоть слабы смертные погружены въ порокъ,
Хоть сами тяготя въ безуміи свой рокъ,
Неблагодарностью громъ неба привлекаютъ,
Но боги солнечнымъ лучемъ на нихъ блистаютъ;
Въ дарахъ природы всей вселенной ставя пиръ,
На злобу не смотря, ліютъ щедроты въ міръ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

РУРИКЪ, РАМИДА.

РАМИДА.

Встревоженъ городъ весь—я паче всѣхъ смущенна!
Хладѣетъ кровь во мнѣ, вся къ сердцу обращенна.
Тѣснится грудь моя и меркнетъ солнца свѣтъ.
Воставшу бурю зрю, пристанища мнѣ нѣтъ...
Ужъ къ сердцу твоему не смѣю обратиться;
Рамида бѣдная ужъ тѣмъ не можетъ льститься;
Уже трепещуща предъ взоромъ я твоимъ,

---

3 Се участи владыкъ свой долгъ хранящихъ свято.

Я какъ преступница предъ судіей моимъ...
Но боги зрятъ мое невинное мученье...[4]

РУРИКЪ.

Страшись безсмертныхъ звать на клятвопре-
ступленье!
Или ты, искренность стремяся мнѣ явить,
Въ прерванну сѣть меня вновь хочешь уловить?
Не мысли, чтобы я, подобно какъ и прежде,
Униженъ, ослѣпленъ, въ постыдной мнѣ надеждѣ,
Притворства всѣ твои за правду воспрималъ[5],
Которыми твой духъ такъ люто мной игралъ;
И продолжая млѣть предъ взорами твоими,
Злодѣю моему пожертвованъ былъ ими.
Открылось все теперь—и тѣ прошли часы,
Въ которые твои коварныя красы[6]
Плѣненный духъ тобой всечасно наполняли
И мнѣ въ тебѣ одной все щастіе являли.
Не льстися болѣ шѣмъ и въ гордости твоей
Не ожидай, чтобы горчайшихъ слезъ ручей
У ногъ твоихъ лія, страны сея властитель
Былъ милостей любви презрѣннѣйшій проситель;
Или чтобъ ревностью я въ ярость приведенъ,
То сердце-бъ отнималъ, которымъ я презрѣнъ...
Укоры, жалобы и нѣжны изступленья,
Восторги, ревности, сердечны изъясненья,
Тѣ стоны горести, порывы гнѣва тѣ,
Которы лестны такъ надменной красотѣ,
Впредь Рурика не сдѣлаютъ слабѣе.

---

[4] Въ изданіи 1793 г. рѣчь Рамиды прерывается на словахъ «Но боги зрятъ...», за которыми слѣдуетъ восклицаніе Рурика: «Почто такое дерзновенье!» Послѣднія слова въ рукописи Носова вовсе опущены.

[5] Притворства всѣ твои во сердце воспринялъ.

[6] Въ которые твои невѣрныя красы...

Хоть буду вѣкъ страдать, но встрѣчу смерть скорѣе,
Чѣмъ слабостямъ моимъ рѣшусь свободу дать:
Презрѣвшую меня не буду умолять [7].
Чего-бъ ни стоило, но сердце ужъ рѣшилось;
Невѣрную забыть—и все теперь свершилось;
Свершилось все; уже твоей избавленъ лести,
Превыше мукъ любви, превыше низкой мести,
Себя умѣю я толико почитать,
Чтобъ, сердце одолѣвъ, его иной отдать.
Иная моея любви познаетъ цѣну;
Иная за твою заплатитъ мнѣ измѣну;
Иныя прелести твои красы затмятъ
И тщетный жаръ къ тебѣ изъ сердца истребятъ.
Будь щастлива ты тѣмъ, кѣмъ пламенно пылаешь,
Иною щастливъ я... Ты слезы проливаешь,
Рамида!

РАМИДА.

Ты, судьба, лишивъ меня всего,
Къ усугубленію свирѣпства твоего
Мою невинность тьмой порока помрачила
И утѣшенія послѣдняго лишила:
Когда для Рурика воспрещено мнѣ жить,
Во гробѣ Рурикомъ оплаканною быть!

РУРИКЪ.

Въ слезахъ?.. и умереть, Рамида, ты желаешь! [8]
А сердце ты твое такъ люто отторгаешь
Отъ сердца моего, живущаго тобой.

---

[7] Въ изданіи 1793 г. послѣдніе четыре стиха читаются совсѣмъ иначе:

Суть сердца моего чувствительнаго ниже.
Вѣрь, что бы ни терпѣлъ, но я стократно ближе
Умреть, какъ слабостямъ моимъ свободу дать,
Презрѣвшую меня симъ средствомъ привлекать.

[8] Ты плачешь и умреть, Рамида; ты желаешь.

Коль слезы искренность ліетъ передо мной—
Оставь, Рамида, я не долженъ сомнѣваться,
Не можешь лестію ты гнусной унижаться—
Прости мнѣ, если тѣмъ тебя я оскорблялъ,
Что къ горестямъ твоимъ холодность изъявлялъ[9].
Прости! я самъ себя въ досадѣ ослѣпляя,
Быть чаялъ изцѣленъ, смерть въ сердцѣ заключая.
Не вѣрь, не вѣрь словамъ отчаянной любви
И токи изъ очей ліющися прерви.
Кто я, чтобъ я престалъ тебя любить, Рамида!
Лишиться твоего возлюбленнаго вида
Иль свѣта солнечна не зрѣть мнѣ—то равно;
Мнѣ сердце для тебя единой лишь дано.
Мой пламень никогда, ничѣмъ не истребится.
Коль любишь ты меня, пусть твой отецъ стремится
Взнесенный на меня низринуть свой ударъ;
Ко дщери я его храня во сердцѣ жаръ,
Несправедливости его опровергая,
Умру иль побѣжду, Рамиду обожая.

РАМИДА.

О клятвы страшныя, которыхъ я раба!
О долгъ, о лютый долгъ! о грозная судьба!
Лишенна всякой я надежды и отрады:
Неодолимыя межъ нами суть преграды!

РУРИКЪ.

Преграды?....

РАМИДА.

Если мой отецъ падетъ тобой
(Великихъ чувство душъ ты вѣдаешь, Герой!),
Дочь сверженна врага, могу-ли быть твоею?

---

[9] Оставь мнѣ, если тѣмъ тебя я оскорблялъ,
Что хладность горькую мой духъ тебѣ являлъ.

И если, слабостью оплаканный моею,
Изгнанный ты изъ сихъ печалью полныхъ стѣнъ
Пребудешь отъ меня на вѣки удаленъ,
Могу-ли быть твоей, назначенна цѣною
Иному?..

РУРИКЪ.

Ежели неправедной судьбою
Опредѣленно мнѣ на полѣ брани пасть,
Паду—но мертвъ, и вся моя свершится часть.
Когда-жъ побѣду мнѣ дадутъ безсмертны боги,
Иль чувствія отца, несправедливо строги,
Во сердце восприявъ и духъ преобразя,
За всю мою любовь мнѣ томну грудь разя,
Возможешь слѣпо ты ему повиноваться?

РАМИДА.

О томъ ты можешь-ли хоть мало сомнѣваться?
Привыкнувъ власть отца священной почитать,
Мой долгъ, исполнивъ все, въ молчаніи страдать
И пренося мое безъ ропота мученье,
Въ нещастіи ему содѣлать утѣшенье.
Разстаться мнѣ съ тобой, пусть жизни стоитъ то,
Но—даръ отца—предъ нимъ мнѣ жизнь моя ничто!
Глубоко заключа въ стѣсненномъ сердцѣ муку [10]
Иному я отдамъ трепещущую руку
И совершу отцемъ желанный, лютый бракъ.

РУРИКЪ.

И се любви твоей ко мнѣ неложный знакъ!
Не чувствовала ты любви ко мнѣ ни мало.
Притворства твоего то было покрывало,

---

[10] Глубоко заключа м о ю я въ с е р д ц ѣ муку...

Чѣмъ нѣжну страсть мою смутила ты въ сей часъ,
Тѣ стоны, слезы тѣ твоихъ коварныхъ глазъ,
Завѣса лишь одна твоей къ иному страсти,
Къ Пренесту гордому, моей злодѣю власти.

РАМИДА.

Могла-бъ я низкія сомнѣнія презрѣвъ
И сей—котораго превыше я—твой гнѣвъ,
Въ молчаньи удалясь, безъ ропота, спокойно,
Пренебреженіемъ отвѣтствовать достойно;
Но время дорого: познай, что средство есть,
Коль любишь ты меня, прервать Вадима месть
И дружбы узломъ съ нимъ тебѣ соединиться:
Мы щастливы, когда ты можешь согласиться.

РУРИКЪ.

Коль должно, я всю кровь мою пролить готовъ.

РАМИДА.

Герой, спаситель нашъ—не выше-ль ты вѣнцовъ,
Чѣмъ украшаются Цари обыкновенны
И кои истиннымъ Героямъ суть презрѣнны?...
Гражданка, приучась я равенство любить,
Обманываюся симъ чувствомъ, можетъ быть,
Что властолюбіе величію безчестно
И что съ мучительствомъ однимъ оно совмѣстно.
Не вѣрю, чтобъ твой духъ быть могъ властолюбивъ
Оставь же ту мечту, чѣмъ, гордость оскорбивъ,
Ты злобу на себя отвсюду привлекаешь.
И чѣмъ себя на вѣкъ съ Рамидой разлучаешь.
Зря цѣну всю себѣ во сердцѣ лишь твоемъ,
Не въ бренныхъ пышностяхъ, довольствуйся ты тѣмъ,
Что ты достоинъ быть на небесахъ съ богами;
Всѣмъ равный Гражданинъ попри вѣнецъ ногами

И бурей окруженъ разруши сей престолъ,
Жилище горестей и бездну страшныхъ золъ.

РУРИКЪ.

То поздно!... Знаешь ты, какъ тронъ уваженъ мною?
Ты помнишь, какъ сей градъ, прельщенный тишиною,
По грозныхъ буряхъ, я которы укротилъ,
За щастіе свое престоломъ мнѣ платилъ;
Отвергъ я власть тогда—и могъ отвергнуть съ славой:
Велико пренебречь величіе съ державой!
Но послѣ, какъ народъ съ стенаньемъ, съ токомъ слезъ:
Моленія свои къ ногамъ моимъ принесъ,
Страшась опять нести мной сверженную тягость,
Принудилъ въ долгъ мою преобратиться благость.
Какъ щастья общаго залогомъ мой вѣнецъ,
Такъ стала власть моя отрадою сердецъ.
Сколь гнусно, зря мечи противъ меня мятежны,
Низвергнуть все опять въ напасти неизбѣжны.
Коль прежде честь снискалъ, отрекшись власти я,
Унизился-бъ теперь, я право отдая,
Въ сердцахъ твоихъ Гражданъ начертанно любовью;
Я долженъ защитить его моею кровью!
Владѣя, какъ отецъ, я долженъ жизнь презрѣть;
Достойнѣй я иныхъ на тронѣ умереть.
Не привлекай меня ты къ низостямъ толикимъ!
Чтобы мнѣ другомъ быть съ отцомъ твоимъ великимъ,
Не подлость—средство! нѣтъ!—Рамида, ты сама,
Когда-бъ изчезла тѣмъ напастей нашихъ тьма,
Предъ свѣтомъ-бы меня увидя постыженна,
Любя достойнаго, презрѣла-бъ униженна.
На лаврахъ взросшая, Героя славна дщерь,
Межъ чести и любви будь судія теперь!

РАМИДА.

Я чувствую твой долгъ, какъ горько ни стонаю!
Я плача не тебя, но рокъ мой обвиняю!

Могу-ль порочить то, что честь твою храня,
Ты славѣ жертвуешь нещастную меня.
Виновна въ томъ моей судьбины непреложность!
Почувствуй-же и ты мою священну должность
И, чести слѣдуя, не воспрещай мнѣ въ томъ!
Любя меня, отцу ты долженъ быть врагомъ,
И я тебя любя, какъ въ горести ни млѣю,
Чтя честь равно тебѣ, не буду я твоею.
Жаръ нѣжный во вражду стараясь премѣнить,
Хотя не возмогу я сердца покорить,
Но должности моей могу повиноваться,
Тебя лишась, всякъ часъ съ душою разставаться.

РУРИКЪ.

О грозная судьба!

РАМИДА.

О часть, смертельна часть!

РУРИКЪ.

Въ сей день предвидѣлъ-ли толь лютую напасть,
Отъ сердца твоего я щастья ожидая?...

РАМИДА.

На сердцѣ я твоемъ надежду утверждая,
Заслугой къ обществу твоей себя маня,
Могла-ль я предузнать, что лютый рокъ меня
Близъ края щастія низвергнетъ смерти въ бездны!

РУРИКЪ.

Погибло все для насъ!

РАМИДА.

О стоны безполезны!

ЯВЛЕНІЕ 4.

РУРИКЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

ИЗВЕДЪ.

Спѣши, о государь! ужъ съ воинствомъ Вадимъ,
Бывъ чая въ гордости своей непобѣдимъ,
Поля у здѣшнихъ стѣнъ въ сей часъ обременяетъ.

РУРИКЪ.

Иду, куда меня долгъ лютый призываетъ!
(Къ Рамидѣ)
Иду, лишась тебя, тебя достойнымъ быть;
То помня—что Монархъ, любовника забыть
И, обществу моей пожертвовавъ отрадой,
Мученье вѣчное иль смерть принять наградой!
Коль чести на пути сужденъ я мертвъ упасть,
Воспомнивъ-бы мою къ тебѣ толь нѣжну страсть,
Въ награду мнѣ за то, узрѣвъ меня во гробѣ,
Содѣлавши конецъ отца жестокой злобѣ,
Слезами ты мой гробъ драгими удостой
И стономъ тѣнь мою печальну успокой.

РАМИДА.

Свершивъ къ отцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебѣ пролью, но крови токи!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РАМИДА (одна).

Ужъ люта бранъ кипитъ и кровъ течетъ рѣкой!
И Рурикъ и Вадимъ убійственной рукой
Другъ въ другѣ жизнъ мою въ сей часъ отнятъ стремятся.
На то-лъ Герои вы, чтобъ только истреблятъся?...
О какъ нещастна я! любовникъ и отецъ—
Дражайши имена для щастливыхъ сердецъ,
А мнѣ, а мнѣ и вы источники страданій!..
Въ пучинѣ горестей, смятеній, колебаній,
Мой духъ трепещущій, обоихъ васъ любя,
Въ сей часъ желалъ-бы самъ убѣгнутъ отъ себя...
Я въ горести отъ всѣхъ оставлена, забыта,
И ты, Селена, ты отъ глазъ моихъ сокрыта,
Не придешъ смертну грустъ со мною раздѣлитъ,
И дружествомъ тоску смертелъну утолитъ!...
Увы! въ сей страшный часъ сама себѣ я въ тягостъ...
Могу-ли умолитъ, безсмертны, вашу благостъ,
Могу-ли къ жалости васъ, боги, преклонитъ,
Чтобъ жизнъ мою прервавъ, то время упредитъ,
Когда поражена я брани окончанъемъ,
Или прогнѣваю отца моимъ стенанъемъ
Илъ въ лаврахъ Рурика со ужасомъ узрю!
Когда противнымъ вамъ я пламенемъ горю,
Разите, боги, грудъ нещастіемъ порочну,
Исторгните съ душой сію любовъ безпрочну...
Но звукъ пронзаетъ слухъ!... Свершилосъ все!... О страхъ!...
Колеблется земля, и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ!...

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВАДИМЪ (обезоруженный, съ толпою плѣнниковъ, въ провожаніи стражи изъ Руриковыхъ воиновъ), РАМИДА.

РАМИДА.

Тебя-ли вижу я, возлюбленный родитель?

ВАДИМЪ.

Увялъ мой лавръ, увы, и Рурикъ побѣдитель!
О стыдъ! низверженъ я въ оковы наконецъ...
Невольникъ Руриковъ—Рамидѣ не отецъ!
Поди, не умножай моей тоски ужасной!...
О солнце! помрачи твой лучъ инымъ прекрасный,
А ненавистный мнѣ и злѣйшій вѣчной тьмы!
Свершилось все теперь, рабами стали мы!...
Рабами?... Нѣтъ! Вадимъ превыше сей напасти!
Вселенну, боги, вы держа по вашей власти[1],
Возможете весь міръ тиранамъ предавать
И щастью и себя слѣпому подвергать:
Злодѣямъ щастливымъ пусть все порабощенно,
Но сердце изъ того Вадима исключенно.
Не можете души моей поколебать
И, громомъ вооружась, властителя мнѣ дать...
Чего я жду?... О дщерь, нещастна и любезна!
Когда Отечеству жизнь наша безполезна,
Ставъ праздными его свидѣтельми оковъ,
Намъ ползать-ли въ толпѣ тирановыхъ рабовъ?...
Ты плачешь, горестью моею пораженна?
Не плачь! утѣха есть нещастнымъ откровенна!
Она для робкихъ душъ ужасна и горька,
Великодушію пріятна и сладка:
Не быть, престать сей свѣтъ—тирановъ жертву—видѣть;

[1] Вселенну, боги вы врատя по вашей власти...

Смертѣ благо, ежели жизнь должно ненавидѣть!
Умремъ, уклонимся отъ подлости и злобъ,
Въ одно нещастливымъ убѣжище—во гробъ!
Умремъ! .. Но что? О рокъ!... Я жизни ненавижу,
А средства умереть, нещастный, я не вижу [2].
Съ мечемъ послѣдней сей надежды я лишенъ!

(Къ Рамидѣ)

О ты, въ которой духъ мой долженъ быть внушенъ,
О дочь Отечества, упавшаго со мною!
Когда почтенъ равно въ нещастьи я тобою,
Коль въ узахъ я тебѣ, какъ въ лаврахъ, былъ отецъ—
Содѣлай бѣдствіямъ ты нашимъ всѣмъ конецъ,
Желанной смерти мнѣ орудїе достави;
И отъ позора жить себя со мной избави!
Лети на крылїяхъ и ускори принесть,
Чѣмъ должно въ сей же часъ избавить нашу честь
Отъ зрѣнья лютаго врага побѣдоносна!...
Трепещешь!... Жизнь твоя тебѣ безъ чести сносна?
Я чувствую, что дочь отъемлетъ у меня!
Злодѣйствуешь отцу, еще твой жаръ храня!...
Се робости твоей прегнусная причина!
Се лютой участи Вадимовой вершина!...

О вы! за Общество на вѣкъ закрывши взоръ,
Сколь щастливѣй меня вы днесь, Пренестъ, Вигоръ!
Неувядаемымъ покрыты лавромъ оба,
Вы славы на поляхъ сошли во мраки гроба!
Еще Отечество дышало въ оный часъ;
Надежда сладкая сопровождала васъ;
А я—игралище меня гоняща Рока,
И жертва низкая Рамидина порока,
Я долженъ горести несмѣтныя вкусить...

---

[2] А средства и умреть нещастный я не вижу.

РАМИДА.

Не можетъ болѣе нещастна дочь сноситъ
Сихъ молній изъ твоихъ мнѣ столько грозныхъ взоровъ,
Сихъ смертныхъ для меня неправедныхъ укоровъ!
Коль должно свергнуть мнѣ сей жизни тяготы,
Спокойся, государь, доволенъ будешь ты!
Мнѣ жизнь моя ничто, когда ея лишенье
Тебѣ, родитель мой, быть можетъ утѣшенье.
Клянусь у ногъ твоихъ, клянусь въ сей лютый часъ,
Что я тебя уже въ послѣдній вижу разъ
И что въ послѣднее, мои являя муки,
Слезами горькими твои кроплю я руки.
Блаженна, коль мою проливъ нещастну кровь,
На гробъ мой возвращу родителъску любовь
И стоны привлеку жалѣнія сердечна!
Но ты не ожидай, чтобъ, дочь безчеловѣчна,
Съ отчаяньемъ твоимъ согласна я была
И къ смерти-бы отцу я средство подала;
Чтобъ ставъ участницей отцеубійству люту,
Кляла сама себя въ послѣдню я минуту.
Прости, родитель мой, въ послѣдній разъ прости!
(Хочетъ итти).

ВАДИМЪ.

Не оставляй меня ты гнусну жизнь нести!
Минута каждая, мигъ каждый мнѣ позоры!
Куда ни обращу мои смятенны взоры,
Къ мученью моему все мой являетъ стыдъ.
Мнѣ кажется здѣсь все, пріявъ унылый видъ,
Свободы требуетъ, утраченныя мною!
Вздохъ каждый мой моей быть кажется виною!
Сей воздухъ—чѣмъ дышу, земля—гдѣ я стою,
И стѣны вопіютъ, кляня днесь жизнь мою:
Ужъ нѣтъ Отечества, а ты на свѣтъ взираешь;
Не могъ его спасти, а ты не умираешь!..

О мыслѣ смертельная, грызуща сердце мнѣ,
Подобна яростной въ часъ бурныхъ грозъ волнѣ,
Опровергающа мой духъ, толь прежде твердый:
Се скоро придетъ къ намъ сей Рурикъ милосердый,
И въ благость лютую преобратя свой громъ,
Мнѣ сердце разорветъ прощенія стыдомъ!
О крайность страшная! о бездна посрамленья!
Не дай дожить мнѣ толь несноснаго видѣнья...
Все поздно!... Се мой врагъ!... Разверзися земля
И въ пропастяхъ закрой нещастнаго меня!

ЯВЛЕНІЕ 3.

РУРИКЪ (за нимъ вельможи, воины, народъ), ВАДИМЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ (Вадиму).

Хоть былъ я принужденъ съ тобой, Вадимъ, сражаться,
Побѣдой не могу моею наслаждаться,
Когда она въ тебѣ питаетъ ту вражду,
Которой отъ твоихъ я чувствъ себѣ не жду.

ВАДИМЪ.

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститься,
Когда ты побѣдилъ, со мною примириться?
Не сей-ли на главѣ блистающій вѣнецъ,
Сіе гнушеніе свободныхъ всѣхъ сердецъ?
Хоть иго днесь твое побѣдой оправданно,
Презрѣнно право мной, одною силой данно.
Побѣда можетъ-ли вѣнца закрасить зло?
Желалъ-бы я, когда-бъ сбыться то могло,
Чтобъ щастіемъ въ числѣ безсмертныхъ помѣщенный,
Хотѣлъ мнѣ другомъ быть ты громомъ вооруженный,
Я-бъ съ радостью тебя возмогъ на небѣ зрѣть,
Чтобъ съ силою твоей тебя и тамъ презрѣть!

РУРИКЪ.

Сей тщетной гордости безплодное паренье
Достойнѣй, можетъ быть, привлечь къ себѣ презрѣнье,
Но чту въ нещастіи Рамидина отца,
Въ сей день Отечеству кровавыхъ бѣдъ творца.

ВАДИМЪ (къ народу).

Для возращенья вамъ потерянной свободы,
Почто не могъ пролить всю кровь мою, народы!

РУРИКЪ.

Вельможи, воины, граждане, весь народъ!
Свободы вашея какой былъ прежде плодъ:
Смятеніе, грабежъ, убійство и насилье,
Лишеніе всѣхъ благъ и въ бѣдствахъ изобилье!
И каждый здѣсь, когда лишь только силенъ онъ,
Одно закономъ чтилъ, чтобы свергать законъ;
Мечемъ и пламенемъ раздора воруженный,
Ко власти текъ, въ крови гражданей погруженный.
Священны узы всѣ вашъ рушилъ смутный градъ:
Сыны противъ отцовъ, отцы противу чадъ,
Тиранамъ чтобъ служить, простерши люты длани,
Отцеубійствію искали гнусной дани.
Граждане видѣли другъ въ другѣ лишь враговъ,
Забыли честность всѣ, забыли и боговъ.
Прибытокъ здѣсь одинъ былъ всѣхъ сердецъ владѣтель;
Сребро—единый богъ, а алчность—добродѣтель...

ВАДИМЪ.

На мѣсто вольности небесной красоты,
Ты, своеволія являя намъ черты....

РУРИКЪ.

Дай кончить мнѣ все то, что я сказать желаю.
Межъ нами судіей народъ я поставляю.
Хотя побѣда днесь подвергла мнѣ тебя....

ВАДИМЪ.

Подвергла?... Можешь-ли, разсудокъ погубя,
Воображать себѣ, о ты, рабовъ властитель!
Что ты Вадимова и духа побѣдитель?

РУРИКЪ.

Я правы щастія умѣя позабыть,
Принужу истинной тебя мнѣ другомъ быть.

ВАДИМЪ.

Мнѣ другомъ? ты? въ вѣнцѣ? Престани тѣмъ плѣ-
нятъся!
Скорѣе небеса со адомъ съединятся!...

РУРИКЪ.

Желалъ-ли я вѣнца, ты вѣдаешь то самъ.
Я несъ не для себя спасенье симъ странамъ:
Народомъ призванный, закрывъ его я бездну,
Доволенъ тѣмъ, что частъ окончилъ вашу слезну,
Благотвореніе хотѣлъ-ли я продать
И цѣну дѣлъ моихъ мздой трона унижать?
Искалъ-ли власти я, отъ коей отрицался?
И можетъ-ли то быть, чтобъ скиптромъ я прельщался?
Иль славы придалъ мнѣ тронъ пышностью своей?
Кто спасъ народъ отъ бѣдъ—превыше тотъ Царей,
Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнію короны!
Но сограждань твоихъ тогда плачевны стоны
Мой духъ принудили—ихъ щастья не лишить.
Начавъ благотворить, былъ долженъ довершить.
Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствовать закону.
Чѣмъ тронъ я помрачилъ? Гдѣ первый судія? [8]

---

[3] Я чѣмъ мрачу мой тронъ? Гдѣ первый судія?

Вы вольны, щасливы; стонаю только я!
Который Гражданинъ, хранящій добродѣтель,
Возможетъ укорить, что былъ я зла содѣтель?
Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
Я отнялъ-ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И если иногда отъ строгости закона
Изъ устъ нещастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ,
За то—щедротою моею утѣшалъ.

Скажите: истинну-ль, граждане, я вѣщаю?
Въ свидѣтели и васъ я, боги, призываю!
Вы знаете, что я, имѣя вашу власть,
Страшился слабостей подъ бременемъ упасть;
И прихоть гордости я долгомъ удручая,
Несъ иго скипетра, себя не примѣчая.
Я помнилъ завсегда, что есть на небесахъ
Судьи, гремящіе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
Которые, Царя колебля на престолѣ,
Всечасно вопіютъ его всевластной волѣ:
«Намъ каждая слеза текущая видна,
«Котора пышностью твоей допущена;
«Мы слышимъ каждый стонъ, невнемлемый тобою,
«Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою;
«Мы каплю каждую пролитой крови зримъ—
«Вострепещи со всѣмъ сіяніемъ твоимъ!
«Не извинишь себя, великъ обремяненьемъ, [1]
«Необходимостью—Тирановъ извиненьемъ».

Вѣщай, народъ, моей державою хранимъ,
Гнѣвилъ-ли я боговъ правленіемъ моимъ?

(Къ Вадиму).

Но ты не помышляй, что власти вышней жаденъ,
На то являю я мой скипетръ толь отраденъ.

---

[1] Не оправдай себя, великъ обремяненьемъ...

Чтобы склонить народъ, въ сей щастливой странѣ [5]
Изъ милости вѣнецъ еще оставить мнѣ;
И чтобы гордости, не славѣ я покоренъ,
Противу воли всѣхъ одинъ владѣть упоренъ,
Старался удержать правленія бразды,
Ища насиліемъ моей заслугѣ мзды.
Когда-жъ противъ тебя подвигся я ко брани,
Не властолюбію платилъ, но чести дани:
Я долженъ былъ мою и славу поддержать,
И Общества ко мнѣ почтенье оправдать;
Я долженъ былъ, мою желая власть оставить,
И тѣнью робости себя не обезславить.
И съ трона нисходя—иль прямо въ гробъ вступить,
Иль жало клеветѣ побѣдой притупить.

(Къ народу, снимая вѣнецъ)

Теперь я вашъ залогъ обратно вамъ вручаю;
Какъ принялъ я его, столь чистъ и возвращаю.
Вы можете вѣнецъ въ ничто преобратить,
Иль оный на главу Вадима возложить.

ВАДИМЪ.

Вадима на главу! Сколь рабства ужасаюсь,
Толико я его орудіемъ гнушаюсь!

ИЗВЕДЪ

(Рурику, указывая народъ, ставшій передъ Рурикомъ на колѣна, для упрошенія его владѣть надъ нимъ)

Увиди, Государь, у ногъ твоихъ весь градъ!
Отецъ народа! зри твоихъ моленье чадъ;
Оставь намѣренья, ихъ щастію претящи!

---

[5] Чтобы склонить народъ, мной щастливъ въ сей странѣ...

ВАДИМЪ.

О гнусные рабы, оковъ себѣ просящи! [6]
О стыдъ! Весь духъ гражданъ отселѣ истребленъ!
Вадимъ! се общество, котораго ты членъ!

РУРИКЪ.

Коль власть монаршу чтишь достойной наказанья,
Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья;
И что возможешь ты противъ сего сказать?

ВАДИМЪ.

Вели отдать мнѣ мечь—и буду отвѣчать!
(Рурикъ подаетъ знакъ, чтобы Вадиму отдали мечъ).

РАМИДА (въ сторону).

Се мой послѣднiй часъ и все теперь свершится!

ВАДИМЪ (къ принесшему мечь).

Подай!... (Къ Рурику).
Теперь Вадимъ съ тобою примирится.
Се способъ лишь одинъ, чтобъ другомъ быть твоимъ.

РУРИКЪ.

Будь болѣ—и отцемъ содѣлайся моимъ.
Въ великой ты душѣ почувствуй гласъ природы.
Иль тотъ, кого твои толико чтутъ народы,
Кто ихъ отецъ, твоимъ не стоитъ сыномъ быть?
Чтобъ гнѣвъ неправедный твой вовсе истребить—
Коль мало щастiя Отечества любезна,
Котораго моей рукой закрыта бездна;
Коль мало милости мнѣ внемлющихъ небесъ, [7]
Стенящей дочери воззри на токи слезъ,

---

[6] О гнусные рабы своихъ оковъ просящи!
[7] Коль мало и самихъ мнѣ щедрыхъ толь небесъ...

Которы горестна моей душѣ отрава:
Въ ея ты сердцѣ зри мои священны права:
Чтобъ ею ты себя со мной соединилъ.

ВАДИМЪ.

Все кончилось теперь, коль мечь ты возвратилъ.
О небо! болѣ сей не требую награды! (Къ Рурику).
Межъ нами рушатся всѣ страшныя преграды:
Доволенъ будешь ты, народъ, и дочь, и я!

РУРИКЪ.

О небо! чѣмъ воздамъ щедротѣ твоея?
О часъ, блаженный часъ, нечаянна премѣна! (Къ Вадиму).
Позволь и дочери и мнѣ объять колѣна
Героя и отца.

(Къ Рамидѣ).

Ты слезъ ліешь потокъ,
Когда престалъ быть къ намъ родитель твой жестокъ!
О ты, награда мнѣ одна за добродѣтель,
Въ которой мнѣ любовь гражданъ твоихъ свидѣтель,
Душа души моей! Какой ужасный мракъ
Дражайшихъ прелестей затмилъ прекрасный зракъ?

ВАДИМЪ (въ сторону).

Я болѣ не могу сносить толь гнусна вида!...
Внемли ты, Рурикъ, мнѣ, народъ и ты, Рамида:

(Къ Рурику).

Я вижу, власть твоя угодна небесамъ.
Иное чувство ты гражданей далъ сердцамъ.
Все пало предъ тобой; міръ любитъ пресмыкаться;
Но міромъ таковымъ могу-ли я прельщаться?

(Къ народу).

Ты хочешь рабствовать, подъ скипетромъ попранъ!
Нѣтъ болѣ у меня Отечества, Гражданъ!

(Къ Рамидѣ).

Ты предана любви и сердцемъ и душею—
Итакъ и дочери я болѣ не имѣю.....

РАМИДА.

Постой родитель мой! не довершай сихъ словъ...
Постой! мой духъ тебя изобличить готовъ,
Что дочь нещастную напрасно презираеть...
Я знаю то, что ты въ сей часъ предпринимаешь,
И твой великїй духъ предъ мною весь открытъ,
Что должно дѣлать мнѣ онъ ясно мнѣ говоритъ.
Исполню я твою ужаснѣйшую волю
И въ нѣжной младости мою разрушу долю,
Котора для меня сплеталась изъ цвѣтовъ.
Когда содѣлалась порочной та любовь,
Для коей жизнїю прельщалась я моею,
Смотри—достойна-ль я быть дочерью твоею?

(Заколается).

РУРИКЪ.

О изступленїе, погибельное мнѣ!

ВАДИМЪ.

О радость! Все, что я, изчезнетъ въ сей странѣ!
О дочь возлюбленна! Кровь истинно геройска!

(Къ Рурику).

Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска,
Въ вѣнцѣ, могущїй все у ногъ твоихъ ты зрѣть,
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть?

(Заколается).

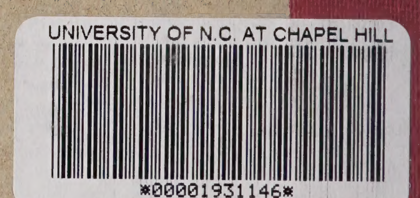
РУРИКЪ.

О рокъ, о грозный рокъ! о праведные боги!
За что хотѣли вы ко мнѣ быть столько строги,
Чтобъ смертїю меня Рамиды поразить?
Умѣли въ сердцѣ мнѣ вы острый мечь вонзить,
Лиша меня всего и щастья и отрады!..
За добродѣтель мнѣ ужъ въ свѣтѣ нѣтъ награды!..

Величїе мое лишь только въ тягость мнѣ!
Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ,
И, должности моей стенающїй блюститель,
Чтобы быть невольникомъ, быть долженъ я властитель!..
Я буду, и себя съ пути не совращу,
Гдѣ вамъ подобенъ ставъ, вамъ, боги, отомщу!

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ.


UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00001931146